

А . Н . Д . Р . Е . Й

ДОБРОВ

МОСКОВСКИЕ • ТАЙНЫ • ДОБРОВА

РЕЗНЯ
НА СУХАРЕВСКОМ
РЫНКЕ

ста
о за
рени
релен
ненья и
пристав
судьбе Маши, к котор
симпатию.
ед в живых

Андрей Станиславович Добров

Резня на Сухаревском рынке

Серия «Московские тайны Доброва»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25927963

Резня на Сухаревском рынке / Андрей Добров: Издательство «Э»;

Москва; 2017

ISBN 978-5-04-089319-5

Аннотация

Действие романа «Резня на Сухаревском рынке» разворачивается в Москве, в 1879 году. В доме коллекционера М.Ф. Трегубова происходит ограбление. Один из бандитов насилует племянницу Михайлы Фомича и ради развлечения забирает со стола девушки маленькую дешевую шкатулку. Казалось бы, вещь ничего собой не представляет, однако за ней начинается настоящая охота... Расследовать преступление взялись судебный следователь Иван Федорович Скопин, ветеран Туркестанских походов, и молодой пристав Захар Архипов, недавно приехавший из Петербурга. Однако они и подумать не могли, что из-за какой-то невзрачной шкатулки погибнет столько людей...

Содержание

Пролог	5
1	8
2	25
3	39
4	64
5	79
6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	101

**Андрей
Станиславович Добров
Резня на
Сухаревском рынке**

© Добров А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Толстый старик в стеганом домашнем халате и мягких брюках, отдуваясь, вошел в кабинет, держась рукой за свой объемный живот, едва перехваченный поясом. Он рухнул в кресло и прокашлялся, массируя пухлой рукой грудь.

Не может же Господь карать человека абсолютно за все дурное, что он совершил или помыслил! Ведь не преступник тот, кто грешит помалу. И не грешит вовсе, а потекает своим слабостям. Это и не грехи часто, а так... ерунда. Уж если человек съел сегодня за обедом целого цыпленка с картошечкой, да грудинкой, да еще и выпил бутылку рейнского – что ж, так сразу и обвинять его в чревоугодии? Цыпленок! И – смертный грех? Или вот взять сегодняшней обыск. Ну ведь она была такая... славная! Такая изящная! Такая маленькая! Удержаться оказалось совершенно невозможно. Аркадий Варфоломеевич сначала положил сверху портфель. Инстинктивно. Как рыбак закидывает удочку в то место, где рыба вдруг проклюнется на поверхность, ловя комара или водомерку. А потом, когда хозяин отвлекся, сунул шкатулку в карман. Ну какой же это грех, а? Просто сувенир на память. Да и кто схватит за руку частного пристава, даже если и заметит? Он и раньше брал сувениры в хороших домах. Служба-то тяжела и однообразна, а тут хоть какое развлечение! Иногда по вечерам Аркадий Варфоломеевич от-

крывал сундучок и доставал оттуда свои памятные сувениры – так, мелочишку! То пару запонок с камушками, то какую-нибудь ложечку, то колечко. Медальон с детскими волосиками... где уже тот ребеночек? Наверное, вырос во взрослую даму, нарожал других ребяток, купил еще несколько золотых медальончиков и туда тоже положил прядки тоненьких светлых волосиков...

Ах, какая прелесть, например, эта шкатулка! С красивым тонким узором по крышке – черные цветы на бежевом фоне. Несомненно, старой итальянской работы.

Пересев за стол, Аркадий Варфоломеевич достал из верхнего ящика лупу, с которой уже давно читал книги и донесения, доставляемые прямо на квартиру. С возрастом глаза все еще хорошо видели вдаль, а вот вблизи почти ничего не различали. Через стекло он рассматривал узоры, потом отложил лупу и откинул крышечку. Изнутри шкатулка была обтянута лиловым бархатом. Прощупав сухими старческими пальцами ткань, пристав усмехнулся – шкатулка, кажется, имела второе дно. Вот уж удача так удача! Это как поймать хорошую рыбу, полную икры. Может, там, в потайном местечке, хранилось что-то важное? Любовная записка венецианской куртизанки? Золотой дублон? Или святая реликвия?

Аркадий Варфоломеевич снова взял лупу и принялся осматривать внутренность шкатулки. Наконец, обратил внимание на край маленькой лиловой ленточки, торчащей там, где правая стенка соединялась с основанием. Вот оно что!

Можно аккуратно подцепить пальцами и потянуть.

Он так и сделал. И вдруг что-то тихонько щелкнуло, из стенки шкатулки вырос тонкий шип, который вонзился в палец пристава, а потом так же внезапно исчез.

Аркадий Варфоломеевич застыл. Медленно он поднес палец с капелькой крови к глазам, которые были расширены от ужаса. «Боже, – подумал он, – что я натворил? Шкатулка с отравленным секретом».

Он отбросил вещицу от себя, словно гадюку, встал и, пошатываясь, подошел к окну, чтобы распахнуть его и впустить в комнату больше воздуха.

Но ставни уже были заклеены на зиму – как ни дергал он ручки, все оказалось бесполезно. А до форточки он почему-то не мог дотянуться – руки не поднимались. Кровь ударила в лицо частному приставу, он захрипел и повалился на застланный ковром пол...

1

Брат за брата

В комнате с крашенными в желтый цвет стенами, за столом, покрытым клеенкой, перед ополовиненной бутылкой водки сидели двое. Окошко, занавешенное не полностью, снаружи было мокрым от вечернего холодного дождя.

Молодой, бритый налысо мужик со сломанным носом скинул рабочую куртку с широкими рукавами и остался в выцветшей зеленой рубашке с заплатами на локтях. Его засаленный картуз лежал рядом на лавке. Бритый навалился на стол, скрестив ноги в грязных сапогах. Скулы его двигались, будто он что-то пережевывал.

В комнате было жарко от кафельной печки, в которой горело два больших куска каменного угля.

Собутыльник лысого был человеком плотным и имел пышные седые усы и золотую цепочку на сером жилете. Поверх жилета он носил белый докторский халат, хотя врачом и не был, а занимал вроде неприметный пост помощника управляющего Шереметьевской больницы. Он держался расслабленно, говорил мало и небрежно.

Небольшой домик, в котором встретились эти двое, стоял на территории больницы и относился к хозяйственным постройкам. За высокой кованой оградой лежал опустевший

по случаю позднего времени Сухаревский рынок. Пожилой давно привык к этому соседству, мало того, он и за оградой чувствовал себя как дома. И имел на это полное право – за-всегдагаи антикварных рядов, держатели лавок – все именовали его по имени-отчеству. Опытные воры, приносившие добычу скупщикам краденого, поучали новичков:

– Во, глянь на того. Это сам Тимофеев Маркел Антонович.

– А кто он, дядя? – спрашивал молодой.

– Большой человек! Да не пялься ты так. Ты коротко посмотри да с уважением. Он тебя запомнит. Он все помнит. Все знает.

Усатый старик действительно обладал феноменальной памятью. И не менее феноменальной способностью добывать любую информацию, поскольку основным его занятием была именно скупка и хранение краденого в дальних помещениях больницы. И он же помогал преступникам попасть в больницу, оформляя их через своего человека в приемном покое по чужим документам – особенно если бандиты поступали с резаными или стреляными ранами. Тут их записывали как случайно порезавшихся или неудачных охотников.

Сейчас же Маркел Антонович принимал просителя в своих покоях, равнодушно слушая, что говорил ему бритый.

– Отработаю. Вот тебе крест!

Тимофеев безучастно посмотрел, как сидевший напротив перекрестился, и налил себе водки, звякнув горлышком бу-

тылки о стакан.

– Дурак ты, – сказал он беззлобно, слегка картавя. – Ты вообще понимаешь, чего предлагаешь? Чем ты мне отработашь?

– Отработаю! – горячился бритый, косясь на водку. Ему хотелось выпить, но водка была хозяина, а тот не предлагал. – Вот те крест!

– Да хорош уж, – пробурчал Тимофеев. – Послушай, что я скажу теперь. – Он достал из кармана большой платок и вытер усы. – Только за ради твоего братца помогу. Да и ты мне потом должок вернешь. Только договоримся твердо – все, что ни скажу, сделаешь.

– Сделаю! – с готовностью кивнул бритый.

– Скажу «убей» – убьешь. Скажу – «с крыши сигай» – прыгнешь.

– И это сделаю, Маркел Антонович.

– Ну, ладно, – равнодушно кивнул скупщик. – Налей себе. Будет у меня для тебя одна работа...

Бритый схватил бутылку и наполнил свой стакан.

– Ваше здоровье! – произнес он и моментально опрокинул водку в нутро.

Усатый прищурил карий глаз.

– Что, накипело?

– Угу. – Бритый сглотнул и утер рот рукавом рубахи. – Он же мне не просто как брат. Когда маманя и папаня померли, я за ним ходил, кормил его, сам недоедал. На работу по

малости лет не брали, вот я воровать и пошел. Били меня страшно, когда ловили! А все мне веселей – когда родная душа рядом. Думал, в мастеровые отдам, женю – пусть чистой жизнью живет. И теперь из-за этого гада его в каторгу! А он же мальчонка еще. Что там с ним сделают? А?

– Известно что, – спокойно ответил Тимофеев, которого на самом деле вовсе не интересовало, что случится на каторге с молодым смазливym насильником.

– Вот! – с отчаянием воскликнул бритый. – Вот!

– Так ты и сам, когда на каторге был, разве не петушил юнцов-то? А? – поднял бровь Маркел Антоныч.

– Был грех, был, – кивнул его собеседник. – Позвольте еще полстаканчика?

– Давай.

Бритый махнул еще полстакана.

– Был грех, – повторил он виноватым голосом. – Так и жизнь на каторге – не малина. Потому и хочу...

– А что ты вообще хочешь? – вдруг перебил его Тимофеев. – Зачем тебе адрес?

– Пойду, в ноги бухнусь, попрошу отпустить брата. – Бритый аж подался вперед. Говорил он с убеждением человека, который с самого начала отогнал всякое сомнение в неудаче своего намерения.

– Да? – насмешливо спросил Тимофеев. – А как он не согласится?

Бритый снова сел на лавку.

– Тогда кончу его. Брата не спасу, так хоть отомщу.

Маркел Антонович подумал, а потом покачал головой.

– Адреса я тебе его не дам. Впрочем, по адресу его искать – только время даром тратить. Он там редко бывает. А если хочешь с ним перевестаться, то сходи на Александровскую улицу, найди трактир «Лазаревский». Он там по вечерам бывает со своим денщиком. Пьет. Как уж ты с двумя управишься, я не знаю, но так это – твоя забота. Оружия он с собой никогда не носит. Но ты поберегись: Скопин – мужик ушлый, воевал в Туркестане. И больной на всю голову, хоть и судебный следователь. С такими связываться – себе дороже. Подумай наперед. И главное запомни: если попадешься и тебя спросят – откуда узнал...

– Ни-ни! – замотал головой бритый. – Христом богом клянись!

Третий вечер уже приходил бритый в «Лазаревский» трактир, садился за стол у дверей, лицом к залу, прямо под выцветшей картонкой с изображением толстой русалки, которую огромный кот тянет за хвост, брал бутылку портера и ждал. Трактир был самый обычный – состоял из двух комнат. В первой, крохотной, имелся винный буфет с тарелками, на которых засыхали кучки квашеной капусты, болотного цвета соленые огурцы или моченые головки чеснока. Старый однорукий инвалид сгребал рукой мелочь, бросаемую на стойку, и наливал той же рукой шкалик или чарку водки из зелено-

го. Сюда забежали на минутку: похмелиться или добавиться, а то и просто смочить горло. Желавшие посидеть подольше, поговорить, поесть и выпить основательно шли в большой зал с двумя окнами, которые мыли один раз в году – на Пасху. А в остальное время окна стояли заросшие пылью, свечной копотью да жиром. В большом зале имелось несколько столов, накрытых неизменными московскими скатертями. И у каждого стола – по три крепких и грубых стула. Освещалось все это помещение газовой лампой, висевшей в центре потолка. Однако хозяин, похоже, экономил и прикручивал газ в люстре до минимума – так, чтобы посетитель мог различить стакан, но таракана, плававшего в миске с кашей или рагу, мог уже и не заметить.

Как сразу заметил бритый, половых было двое – дед и внук. Причем внук явно совсем недавно приехал из владимирской деревни, и потому дед все время его учил подзатыльниками, не особо скрываясь перед посетителями, которые к такой учебе относились одобрительно, потому как жалеть дите – только портить.

Первые два дня на бритого косились – он был не местный. Пару раз даже подкатывались, чтобы переведаться, пощупать новичка. Но бритый просто тарашился исподлобья и в разговоры не вступал. От него отходили, чувствуя, что он – не просто так пришел и что он, похоже, бешеный и ждет тут кого-то. Конечно, если бы местные выяснили, кого ждет этот громила, они бы предупредили жертву, которая, скорее все-

го, была из своих. Но на нет и суда нет. На третий вечер на него просто перестали обращать внимание. Тут-то и явился человек, за которым охотился бритый. Поначалу бритый его даже не узнал.

Он пришел в кабак как к себе домой, здороваясь лениво. Плюхнулся за стол у стены, не снимая серой солдатской шинели, просто бросил на скатерть старое кепи с давно нечищенным козырьком. Пожал руку подошедшего полового-деда и сказал ему несколько слов. Тот поклонился и пошел на кухню, передавать заказ.

Прибежал внук с бутылкой водки и стаканом. Налил полную, получил мелкую монетку на чай – украдкой от деда.

Сидевшие в кабаке мужчины сдержанно вставали, подходили к пришедшему и здоровались. Тот никого не звал присесть с собой, никого не угощал.

Наконец, человека в шинели оставили в покое. Он привалился к стене, пододвинул к себе другой стул и положил на него ногу в грязном сапоге.

Бритый опустил глаза и только теперь заметил, что кулаки его сжаты до белизны косточек. Осторожно он разжал кулаки и положил ладони, как чужие, на скатерть.

Подняв снова взгляд, бритый увидел, что человек в шинели смотрит прямо на него. Отросшие черные волосы с седой неопрятно спускались к вискам. Мужчина был небрит, с красными от пьянства глазами.

– Ты кто такой? – спросил он. – Раньше не виделось?

Бритый опустил руку под стол и коснулся ножа в кармане. Он знал, что ответить, но краем глаза заметил, что мужики в кабаке снова начали на него коситься. Поэтому встал, высыпал на скатерть монеты, снял с гвоздя свою куртку и быстро вышел.

На улице он привалился к стене и запрокинул голову, ловя ртом капли дождя. Бешенство сжимало его сердце костяным кулаком, но он знал, что надо просто подождать. Просто подождать, когда враг выйдет на улицу. Надо просто подождать, когда он пройдет вперед, где кончается слабый свет фонаря. Когда враг войдет во тьму.

Скопин проводил взглядом вскочившего громилу в черной куртке и криво ухмыльнулся. Он был пьян еще до прихода в кабак. Сказать по чести, пить сегодня он начал еще с утра, чтобы отвязаться от очередного кошмара, приснившегося, как всегда, перед рассветом. И хотя сон совершенно стерся из его памяти уже к полудню, ощущение томительного ужаса все не проходило.

Он не знал, можно ли вылечить водкой сумасшествие. Но был уверен в том, что ходит по самому краю пропасти – ведь эти кошмары, эти сатанинские видения, которые не зависели ни от его силы воли, ни от его желаний, они несомненно доказывали, что если он еще не сошел с ума, то точно сойдет. Не могут нормальному человеку сниться такие адские кошмары.

Иван Федорович налил стакан и вялой рукой поднес его

ко рту. Пить больше не хотелось. Его тошнило от одного запаха водки. Но он заставил себя выпить, проливая водку на подбородок, – выпить, чтобы этой ночью уснуть без снов.

Пожалуй, еще один стакан, и цель будет достигнута. Один и еще один. Если он уснет прямо здесь, не беда, верный Мирон, его бывший денщик, придет ближе к полуночи и оттащит домой. Он всегда так делает.

Как тогда он на себе притащил его в Самарканд, ночью. А утром первого июня город уже был окружен. Генерал-губернатор Кауфман с основными силами выступил на Каты-Курган. В городе осталось менее шестисот человек гарнизона. Госпиталь оборудовали прямо в цитадели, и Скопин был далеко не первым его пациентом. Прямо на земле, на реквизированных из окрестных домов одеялах и коврах лежало не менее 450 раненых и больных. Полковой доктор Ригер разорвал на Иване рубаху и попытался подсчитать резаные раны. Но все было в запекшейся крови. Кто-то, кажется молодой ассистент Ригера, сбегал к колодцу и принес кожаное ведро воды, которую с размаху вылили на грудь Ивана, чтобы смыть кровь корпией. Руки ассистента дрожали.

– Что? – спросил Скопин. – Плохо?

– А? – как будто очнулся тот. – Нет, у вас все хорошо. В смысле, есть над чем поработать.

– У вас руки дрожат, – прошептал, слабея, Скопин.

– Это от нервов. Солдаты говорят, будет приступ. Туркмены обложили город, их тут тысячи. Наши ушли далеко и

не успеют. Тут гарнизон-то...

Ригер склонил свою седую голову к лицу Скопина.

– Вижу пулевое отверстие, господин поручик. Пулю надо вытащить, а то плоть сгниет. Начнется гангрена. Терпеть сможете?

Скопин судорожно кивнул и посмотрел направо – там, прислонясь к невысокой ограде, сидел Мирон. Голова его безжизненно свешивалась на грудь. Издалека слышался гул – топот тысяч копыт по сухой земле. И конское ржание.

– Успеем до приступа? – спросил ассистент, вытирая пот со лба. – А то сейчас раненые начнут прибывать.

Где-то там, где кружили конные лавы шахрисябцев и при-мкнувших к ним местных мятежников, загремели барабаны и завывли пронзительные зурны.

И тут громыхнула пушка, установленная в старом проломе саманной стены. Раздался ружейный треск.

– Надо торопиться, – озабоченно сказал Ригер. – Павел, принесите флягу со спиртом и мой набор инструментов.

– Много наших осталось? – спросил Иван.

Ригер печально покачал головой:

– Немного. Всех поставили под ружье – даже писарей, фурштатов, музыкантов. Кое-кто из купцов вызвался охотником. И еще местные евреи. Им-то терять нечего, тут их... Но какие из них солдаты? Стены решили не оборонять – только дворец.

Ассистент Ригера принес флягу и саквояж. Доктор вынул

серебряный мерный стаканчик и нацедил из фляги.

– Вот, больше не дам. Еще пригодится. Знаю, мало, но...
Пейте. Только залпом.

Скопин открыл рот, и Ригер влил в него спирт. Глотку обожгло, но Иван даже не закашлялся. Перед глазами все поплыло.

– Павел Семенович, позовите солдат, пусть подержат его за ноги и руки.

В следующее мгновение нож вонзился Скопину в бок. Боль была невыносимая, тело Ивана выгнулось дугой, и он широко распахнул глаза...

– Ты?

– Я, – радостно кивнул бритый. – Это тебе наше с приветом. Для разговору.

Скопин тронул рукой борт шинели и поднес к глазам. Кровь. Черт. Эту старую солдатскую шинель и кепи он надевал специально для кабака – чтобы не вваливаться туда в своем форменном судейском пальто. Теперь придется стирать шинельку.

– Маненечко, – сказал бритый, выставляя нож вперед. – Подрезал слегка. А там – как пойдет.

Капля упала с кончика ножа в грязь.

– Ты чего? – удивленно спросил Скопин, которого вдруг повело вбок. Он наткнулся на забор и только этим предотвратил свое падение.

– А это за брата моего. За младшего. За Андриюшку.

– За какого такого Ан?.. А...

– Вспомнил? – изгаляясь спросил бритый. Ему нравилось происходящее. Ему нравилось, что большой человек, которого надо бояться, который обладает властью карать и миловать во имя правосудия, сейчас сползал по забору в уличную грязь, а он стоял с ножом и вершил свое правосудие, братское.

– Так ты брат Нежданова?

– Точно так.

– А не похож... И зачем тебе все это? – спросил Скопин, как бы все еще удивляясь, не чувствуя страшной опасности, переминавшейся с ноги на ногу перед ним с окровавленным ножом в руке.

Иван окончательно сполз на землю, примяв чахлый кустик, росший из-под забора.

– Затем, что ты брата моего на каторгу отослал. А с ним знаешь что будет?

– Знаю, – кивнул Скопин. – Там его взрослые каторжане по кругу пустят. Как девчонку.

Бритый зарычал и замахнулся.

– Здорово, Петр! – вдруг крикнул Скопин куда-то за спину своему мучителю.

Бритый рефлекторно спрятал нож за пазуху и сделал шаг в сторону. Быстро повернулся – посмотреть, кто подходит. Никого. Скопин обманул.

– Так ведь он заслужил, – сказал Иван как ни в чем не бывало. – Он же малолетку насильничал. Хорошую девочку, из хорошей семьи. Да еще изуродовал.

– Она сама! – крикнул бритый. – А потом и оговорила.

– Ну да, – усмехнулся Скопин, прижимая руку к кровоточащему порезу на шинели, – и сама себе лицо порезала? Так что глаз у нее вытек.

Бритый замер. Про порезанное лицо и вытекший глаз он услышал впервые. Со слов Андрюшкиного кореша, Сёмки Рубчика, он знал, что какая-то малолетка обвинила брата в насилии – но мало ли таких случаев было, когда девка хотела отомстить парню за измену и возводила на него поклеп?

– Не мог Андрюшка этого сделать!

– Он это сделал, – ответил Скопин. – Дочка прачкина все видела. Она там в сарае дровяном пряталась от мужа. Каждое слово, им сказанное, под присягой подтвердила. Тряслась вся от ужаса на суде, пока рассказывала.

– Врала! – крикнул бритый, чувствуя, как внутри становится пусто, словно в мешке, из которого вытряхнули картошку.

– Не врала, нет, – ответил Скопин, укладываясь на землю. – Дворник видел, как твой брат выбегал с того двора. Да и при обыске бритву у него нашли. Тут он и сознался сам. Со злости, говорит. Себя не помнил.

Бритый опустил на корточки рядом с головой Скопина. Тот подsunул под ухо свою фуражку, будто собрался лечь

спать.

– Все равно не верю, – упрямо сказал бритый.

– Да, понимаю, – согласился Скопин. – Брат все-таки. Как тут поверить? И я бы не поверил. Но почему, а? Ты мне можешь сказать? Ведь я сам его быстро поймал. Но не разобрался толком: отчего это он? Зачем? Чего он вдруг на девочку-то набросился, да еще и по лицу полоснул?.. Как ей теперь жить-то?

– В монашки пойдет, – сердито ответил бритый.

– Ну, ты же человек, – обиженно сказал Скопин. – Ты же за брата пошел убивать, значит, чувства имеешь. А как бы твою сестру малую насильничали да лицо ей располосовали?

– Нет у меня сестры, – огрызнулся бритый. – Брат вот был.

– Да... – морщась, сказал Скопин. – Был, и все. Нет больше, считай. Ну что, резать-то меня будешь? Я уж тут поудобней устроился, чтобы сильно не падать.

Бритый был растерян. Злость еще не прошла, нет, но почему-то теперь она была обращена не столько на пьяного следователя, лежащего рядом на сырой земле, сколько на брата. Ведь вырастил. Научил. В люди хотел вывести. Что же за дурь такая на него нашла вдруг?

И слезы потекли по щекам бритого – от обиды, от несправедливости.

Скопин лежал, закрыв глаза. Прорезанный бок болел. Пе-

ред глазами летали серые мухи... Дым, песок... Самарканд накрыло облаком пыли, поднятой конницей. Облаком пыли и порохового дыма... Иван очнулся и приоткрыл глаза. Он видел свое тело, перемотанное чистой тканью, далее было все в желто-сером тумане. Тени в белых рубахах, с темными пятнами. Одни лежали вокруг и кричали, другие бродили, согнувшись, кто-то опирался на кривую палку, вырванную из плетня.

Доктор Ригер в окровавленном переднике, похожий больше на мясника, чем на хирурга, сидел на корточках, протирая глаза, засыпанные пылью.

Вдруг в воздухе засвистело, Скопин, хорошо знавший этот звук летевшего ядра, попытался вжаться в стену. Смертельный куст взрыва мгновенно вырос где-то у входа во двор, прямо на телах лежащих там людей. Во все стороны полетели мелкие куски сухой земли, камни и ошметки человеческих тел.

– Откуда бьют? – спросил Скопин.

– Что? – Ригер приставил к уху ладонь – он не расслышал вопроса.

Иван указал пальцем на воронки.

– А, проклятые бухарцы затащили пушку на вон ту крышу. – Ригер указал рукой куда-то вдаль. – Но это еще ничего. Они еще залезли на минареты и стреляют оттуда из ружей. Нам повезло, что стрелки из них никудышные. Так что вы тут сидите и никуда не вылезайте. Можете попасть под пулю.

Земля продолжала гудеть от топота конных тысяч, круживших вокруг полуразрушенной глинобитной стены дворца.

«Боже, – подумал Иван. – Только бы не прорвались! Только бы не плен – снова. Только не это».

Он закрыл глаза и вспомнил, как Мирон, взвалив на спину, тащил его сквозь ночь. Верный, хороший Мирон. Все-таки вынес на своей спине...

– Спасибо, Мирон, – прошептал Скопин. – Дай тебе бог. А я награжу.

– Ништо, Иван Федорыч! – с натугой отвечал денщик. – Я уже привыкший вас таскать-то. Да и недалеко тут. Сейчас – домой. А там спать.

– А что, этот... который там был?.. Брат Нежданова?

– Бритый тот?

– Ага.

– Спугнул я его. Ушел он, Иван Федорович.

– Он меня немного порезал. Да ерунда. Главное, что не убил.

– Сейчас придем, посмотрим. А то и за врачом сбегать могу.

– Не надо, пусть он спит. Время позднее. Мы сами как-нибудь.

– Все, пришли, – сказал денщик, прислоняя Скопина к дверному косяку.

Иван стоял, тяжело привалясь, смотрел на небо.

– Вот черт! – произнес, наконец, Скопин. – Устал я, Мирон. А спать не хочется больше. Старался-старался, пил-пил... Все напрасно. Сатану, брат, не обманешь, от него не вырвешься. Он коли за кого взялся, ни в жизнь не отпустит. Так-то. Ну, тащи мое тело на кровать, посмотрим, чем все это закончится.

2

Бедная Маша

Маша боялась оставаться одна в этом старом двухэтажном доме, упрятанном в самое чрево Самотёки. И хотя недалеко шумел и сверкал фейерверками знаменитый парк Эрмитаж Лентовского, дом Михайлы Фомича Трегубова, казалось, вместе с древним садом и колодцем, с высоким забором и тяжелыми железными воротами был перенесен из другого места – скучного и тревожного. Из места, где все говорили вполголоса, а вещи жили своей собственной медленной жизнью, в которой люди были не хозяевами, а слугами. После того как старая Полина умерла, Маша одна осталась ухаживать за дядиной коллекцией. Вернее, за той только частью, которую Михайла Фомич выставлял в трех нижних комнатах, где изредка принимал гостей.

С раннего утра Маша аккуратно смахивала с бронзовых статуэток пыль метёлкой из страусиных перьев, открывала дверцы стеклянных горок и протирала фланелевым лоскутком китайские фарфоровые чашки, осторожно перелистывала страницы старинных книг, проверяя, не появились ли на них серые пятнышки плесени. Помыв полы и приготовив скромный обед, Маша садилась на табурет у окна, забранного прочной стальной решеткой, отодвигала плотную гардину

и смотрела на улицу. Теперь, осенью, когда деревья сбросили листву, можно было увидеть забор, а поверх него – крыши соседних домов. Дальше – небо и маковку церкви.

Туда, «в город», Михайла Фомич отпускал девушку только по воскресеньям, в церковь, да раз в три дня по ближним лавкам на Селезнёвке – купить продукты. Да и то не дольше, чем на час. Если Маша опаздывала, дядя страшно сердился, кричал, потом краснел и начинал хрипло кашлять. Отдышавшись, он грозил отправить Машу послушницей в монастырь. А Маша боялась состариться в монастыре, так и не увидев белого света. Она была девушка простая и романтическая. Мечтала, что дядя когда-нибудь умрёт и оставит ей дом, состояние и коллекцию. Ведь своих детей у него не было. И вот тогда – конец власти вещей над Машей! Она станет хозяйкой всех этих дорогих безделушек. И теперь уж они послужат ей! Ни одной китайской чашечки, ни одной редкой пуговицы не оставит Маша в этом доме. Всё будет снесено в лавки торговцев стариной! Все вернётся к ней золотом и асигнациями. А потом и они превратятся в новые яркие обои, новую мебель, как в журналах, и, конечно, в вереницы самых модных, самых роскошных платьев – прямиком из Вены и Парижа! И тогда – балы, поклонники, поездка на воды! Столица!

Наверху скрипнули половицы. Дядя одевался к выходу. Значит, она действительно должна снова остаться одна в этом доме... Обычно Михайла Фомич все дни сидел как сын

в своей спальне, читая. Или запирался в хранилище, как он называл небольшую комнату с заложенными кирпичом окнами, где содержались самые ценные его сокровища. Дверь в хранилище всегда была заперта, а ключ Трегубов носил на длинном шнурке, надетом на шею. Вместо креста. Только к вечеру Михайла Фомич спускался в маленькую темную столовую, чтобы поесть. Чай он также пил в своей спальне, грея чайник на старой спиртовке. Ни баранок, ни печенья к чаю он не любил. И сахара в доме никогда не водилось. Раз в неделю, по субботам – и непременно вечером – Михайла Фомич брал кожаный саквояж, мешочек с монетами и шел по знакомым лавкам с обходом – не появилось ли чего-нибудь новенького, какой-нибудь занятной вещицы.

Две недели назад принес он в кармане изящную плоскую шкатулку, которую долго рассматривал у окна. Маша как раз мыла пол в соседней комнате, там, где стояла мраморная статуя Данаи, и слышала, как дядя по привычке говорит сам с собой:

– Вот ведь подлец Ионыч, а? Пятнадцать целковых! Надо же! Медичи! Нашел простофилю, да? Трешница! Дрянь, подделка!

Увидев в двери Машу, он позвал ее.

– Иди сюда. Вот тебе. Пудру туда положишь или колечки.

– У меня нет пудры, дядя, – пожала плечами Маша.

– А? Нет? Ну когда-нибудь будет же. Забери! Не хочу видеть. И трешницу зря отдал проклятому.

Маша вытерла о рабочее платье мокрые руки и приняла из рук дяди шкатулочку.

– Красивая.

Дядя скривился.

– Такие в Риме на каждом шагу продаются для простофиль. Обмануть меня захотел, подлец! Думал Трегубова облапошить!

Маша отнесла шкатулку к себе наверх, в крохотную комнату рядом со спальней дяди. В ней всего-то и было из мебели – кровать с пружинной сеткой и старое высокое трюмо, куда она и поставила приобретение. Положить в шкатулку ей было совершенно нечего – если только колечко, подаренное матерью-покойницей. Но она никогда не снимала это колечко – даже на ночь – в память о матушке.

На лестнице послышались шаги Михайлы Фомича. Он спустился, тепло одетый, с тростью и уже в шляпе.

– Вы надолго, дядя? – спросила Маша.

– Как бог даст, – ответил старик. – Приберись у меня наверху. И проветри, только немного, чтобы комната не застыла.

Он открыл дверь и на пороге остановился, указывая на замки.

– Помнишь?

Маша кивнула.

– Все закрыть и никого не пускать.

Трегубов сухо кивнул и вышел. Он брал извозчика до Су-

харевки только в крайних случаях, когда надо было ехать далеко или с ценным грузом. Во всех остальных случаях Михайла Фомич передвигался пешком, отмахивая иногда по московским улицам до пяти верст.

Маша подождала немного, потом поднялась на второй этаж, застелила постель старика и открыла окно. Потом пошла в свою комнату и прилегла на кровать со старым, еще февральским номером журнала «Модный базар», который за три копейки купила у старьевщика в прошлый четверг.

Часы в кабинете дяди пробили пять. Маша начала тихонько дремать, как вдруг внизу позвонили в дверь. Она вздрогнула всем телом и села на кровати. Показалось? Но тут звонок задребезжал снова.

Возможно, это кто-то из соседей по улице? Или бродячий разносчик? А то и наводчик – ходит такой по домам, звонит в двери, выискивает, где хозяева в отъезде. Надо проверить. А если наводчик – то и спугнуть.

Маша спустилась вниз по лестнице, подошла к двери и строго спросила:

– Кто там?

– Это Маша? – раздался из-за двери мужской голос.

Маша опешила. Что такое? Кто мог ее звать? Голос был незнаком.

– Что надо? – спросила она уже не так строго.

– С Михайла Фомичем беда! Попал под экипаж! Сильно расшибся!

Маша оцепенела. Она не могла понять, что ей говорят с той стороны двери.

– Открывайте скорее, надо его перенести! Мы его в пролетке привезли.

Человек с той стороны двери говорил с такой тревогой и напором, что Маша уже взялась за засов, но в последний момент остановилась. А вдруг это воры? Вдруг она сейчас откроет дверь, а они ее и схватят, свяжут, а дом обчистят?

– Скорее! Скорее! – заговорил мужской голос с той стороны двери. – Он кровью истекает!

А вдруг это правда? Вдруг дядя действительно попал под колеса экипажа и сейчас, переломанный, ждет, когда Маша откроет дверь. А она не открывает. Что же делать?

Внезапно она почувствовала, что кто-то стоит за ее спиной. Боже! Она забыла закрыть окно в спальне! Маша хотела обернуться, но крепкая мужская рука закрыла ей рот, а перед глазами качнулось острие ножа.

– Тихо, тихо, – сказал стоявший сзади, крепко прижимаясь к ней всем телом, – Вот так. Давай, открывай. И без шуточек, а то глазки я тебе выковырну. Поняла?

Ужас волной прошел по всему Машиному телу. Острие ножа приблизилось к правому глазу. Тогда она покорно подняла ставшую ватной руку, открыла замок и отперла засов. Дверь моментально отворилась, и внутрь шагнул коренастый налысо бритый мужик с цепкими темными глазами.

– Здорово, – сказал он, прикрывая за собой дверь. – По-

шли наверх.

Стоявший сзади развернул девушку и подтолкнул ее в сторону лестницы, не отрывая своей руки от ее рта. Только на лестнице он убрал руку и приказал не кричать, а то зарежет. Маша кивнула и провела грабителей на второй этаж. Похоже, они имели точное представление о том, что все самое ценное Трегубов держал именно тут, а не в комнатах первого этажа. Это надо запомнить и рассказать дяде, когда он вернется. И еще – надо как можно подробнее запомнить лица и повадки этой парочки, чтобы потом передать их полиции. От этой мысли Маша даже немного успокоилась – она зацепилась за мысль о необходимости помочь дяде и полицейским, как падающий человек за ветку. На втором этаже Маша почти собралась и развернулась к грабителям.

– Вот тут моя комната, – сказала она, стараясь хорошо рассмотреть их лица. – Хотите, я тут посижу, чтобы вам не мешать?

Бритый ухмыльнулся.

– А что? Мысль! Рубчик! Поди с ней, посиди, а я пока слам прибору.

Сашка Рубчик толкнул Машу в комнату и закрыл за собой дверь. Сначала она просто стояла посреди комнаты, не понимая, что ей теперь делать. Сёмка присел на стул возле трюмо, положил нож в карман и теперь откровенно разглядывал девушку. У него было длинное некрасивое лицо и немного оттопыренная нижняя губа. Грязная соломенная челка закры-

вала правый глаз.

Маша судорожно пожала плечами и села на кровать – больше было некуда.

Рубчик скосил глаза на трюмо, посмотрелся в зеркало, пригладил челку, а потом взял в руки шкатулку.

– Не твое – не трожь! – сердито сказала девушка. Ей было страшно, но и маленькой красивой шкатулки было жаль. Может, если прикрикнуть на этого наглого парня, он присмиреет? Может, он только с виду такой... опасный?

– Ха! – сказал Рубчик, разглядывая шкатулку. – Было ваше, стало – наше. Я чё, сюда тебя стеречь пришел. А?

Маша прикусила губу. Прикрикнуть на грабителя оказалось не такой хорошей идеей.

– А? – рявкнул на нее Сёмка, ощерясь. Теперь он был похож на дикую собаку из ночного переулка, скалившую желтые клыки. – Чё? Ты чё думаешь, я тут с тобой цацкаться буду?

Он встал, сунул шкатулку в карман и медленно подошел к Маше. Та невольно отодвинулась к самой стенке, на которой висел истертый коврик с лебедями. Пружинная сетка под ней подалась вниз, и Маша, потеряв на миг равновесие, повалилась назад в паническом оцепенении перед двуногим зверем, одетым в штаны и коричневую рубаху с жилеткой. Мысль у нее была одна: сразу зарежет или...

Рубчик наклонился над ней, протянул руку и жесткими грязными пальцами взял за лицо, сдавив щеки.

– Чё ждешь? – спросил он, – Юбку-то задирай. Или тебе особое приглашение нужно?

Несколько секунд Маша просто смотрела на него круглыми от ужаса глазами. Звук ее дыхания сделался сиплым из-за крепкой хватки Сёмкиных пальцев. А он медленно свободной рукой начал расстегивать пряжку ремня.

– Давай-давай, – сказал он хрипло.

– Не надо! – промычала Маша. – Пожалуйста! Мне нельзя.

– Почему? – удивился молодой грабитель, развязывая тесемки штанов и слегка ослабляя хватку на лице девушки, чтобы она могла говорить.

– Не трогай меня! Будь человеком! Ты же человек, а? Ты хороший, добрый парень, ты не хочешь мне сделать больно, да? – зашептала Маша внезапно пересохшими губами.

Рубчик прищурился.

– Ты девка еще, что ли? – усмехнулся он. – Чё, береглась? Маша судорожно несколько раз кивнула.

– Так это мы шас поправим, – ухмыльнулся Сёмка.

Вот тут и прорвалось в душе Маши то звериное первобытное, что стирает все страхи, все слова и все мысли. С надрывным воплем вцепилась она в руку грабителя и вонзила зубы. А ногами оттолкнула его с такой силой, что Рубчик чуть не упал, но все же удержался.

– Сука, – прошипел он, вытирая о жилетку укушенную руку.

Маша бросилась мимо него к двери, но он перехватил ее,

бросил на пол, оседлал и начал бить по лицу кулаком.

От страшных ударов Маша сначала завизжала, потом просто стала стонать. Ее мучитель, увидев, что она окончательно сломлена, медленно встал, подтянул сползшие штаны и харкнул на пол.

– Вот так-то, – сказал он, тяжело дыша и растирая окровавленные костяшки кулака. – Не целоваться же нам.

Он нагнулся, намотал Машину косу на руку и рывком заставил девушку встать. Потом доволоч ее до кровати и бросил лицом вниз на скомканное одеяло.

Маша не сопротивлялась. Все ее лицо страшно распухло и болело, один глаз заплыл. Она со всхлипом дышала ртом – сил у нее совершенно не осталось.

Только одна мысль крутилась в голове: «Я устала. Я больше не могу. Когда же это кончится».

Она почувствовала, как грабитель задрал ей юбки и стянул панталоны.

«Я больше не могу, – повторяла Маша про себя, глядя на складку одеяла с мелкими цветками. – Я больше не могу...»

Бритый основательно разорял хранилище, бросая самые ценные, на его взгляд, вещи в свой грязный мешок. Он слышал, как в соседней комнате закричала Маша, слышал глухие звуки ударов и ее визг, но надо было быстро сделать то, зачем они сюда пришли. Он еле сдерживался от бешенства и желания бросить все и рвануть в комнату девчонки, чтобы

наподдавать этому недоумку.

– Что ж ты, гад, творишь, – шипел он, сгребая золотые чаши с крупными кабошонами. – Тебя ж сторожить ее поставили.

Наконец, мешок был наполнен, но шкатулки, из-за которой его и послали в этот дом, Надеждин не нашел. Искать ее особо времени не было – хозяин дома мог вернуться в любой момент. Схватив мешок, бритый выскочил в коридор и рванул дверь в комнату девушки. Сёмка сидел на кровати со спущенными штанами и вытирался краем простыни. Девушка лежала, свернувшись клубочком рядом, подвывая и натягивая юбку на окровавленные ноги.

– Сёмка! – рявкнул бритый. – Я тебя зачем брал, погань?

– Да она сама, – лениво ответил Рубчик. – Напросилась. Я чё? Я не хотел.

«Убью! – подумал Надеждин. – Вот вернемся и убью!»

– На, – сказал он, кидая на пол громыхнувший металлом мешок. – Уходим. Быстро.

– А ты не хочешь, дядя? – спросил Сёмка, вскакивая и завязывая штаны. – По-быстрому. Девка хороша. Вернее... – Он захихикал. – Уже не девка.

Сёмка ухватил мешок и в этот момент бритый врезал ему коротко и жестко. Хрустнули зубы.

– А-а-а! – взвыл Рубчик. – Чего?

Бритый бросил короткий взгляд на Машу. Конечно, она их запомнит и все выложит полиции. Он сунул руку в карман

и нащупал там нож.

– Она ж сама, – ныл Рубчик, выталкивая языком кровь и осколки двух зубов изо рта.

– Сама? – волком обернулся к нему Нежданов. – Это как? Как тогда? С братом моим? Да? Ты ту девчонку резал, Сёмка?

– Нет! – перекрестился дрожащей рукой Сёмка, глядя на Нежданова снизу вверх. – Ей-богу, не я! Он сам все.

– Сама! Сам! – прохрипел бритый. – Потом с тобой разберусь. Бери мешок и вали отсюда. Я щас.

Рубчик схватил добычу и проскользнул в дверь. Бритый подошел к Маше.

– Слушай сюда, – сказал он. – Ты наши лица не запомнила. Поняла? Будут спрашивать – мели что угодно. Мол, кривые, косые, китаёзы или татары. Но не дай бог тебе, девка, нас выдать. Не дай бог. Я тебя найду. А если я тебя найду, то все это, то, что сейчас с тобой сделали, раем покажется. Поняла?

Маша продолжала тихо выть, не реагируя на слова бритого.

– Поняла? – сказал он громко и грубо потряс Машу за плечо.

Не поднимая глаз, она кивнула.

– Запомни же. Найду тебя, не спрячешься.

Он быстро вышел, понимая, что делает глупость, оставляя свидетеля. Но быстро переключился на другой вопрос: а так ли уж Андрюшка был виноват в том, за что его послали на

каторгу? Не взял ли он на себя вину товарища? И если это так – рука бритого снова нырнула в карман, где лежал нож, – то кому-то придется ответить. Вот разберется он с заказчиком, а потом, не торопясь, примется выznавать у Сёмки, как же все было на самом деле.

Михайла Фомич вернулся домой совсем поздно – злой как черт на приказчика Алёшкина, который в лавке обещал показать дом старой генеральши, лежавшей при смерти. По словам Алёшкина, дом был набит китайским фарфором и бронзой. Да вот, подлец, увез в Замоскворечье, потом долго плутал дворами, а когда вроде нашел нужное место, оказалось, что генеральша уже полгода как преставилась, а все ее имущество ушло к наследникам. Алёшкин униженно извинялся, кланялся и утверждал, что его самого надул знакомый будочник. Трегубов со злости чуть не побил его тростью и пешком отмахал до Китай-города, благо погода стояла еще теплая и вечером прогулка не казалась обременительной. Но уже на Лубянской площади Михайла Фомич понял, что сил своих он не рассчитал, так что направился к бирже извозчиков, нанял экипаж и поехал домой на колесах. У калитки он рассчитался с извозчиком и по тропинке прошел к крыльцу, где внезапно остановился. Фонарь с улицы едва-едва освещал крыльцо дома, но Трегубов даже в этом тусклом свете заметил, что дверь была затворена неплотно.

– Ах, Машка! – прошипел он. – Вот дура! Сколько ее ни

учи!

Будучи в полной уверенности, что дверь осталась не заперта по причине нерадивости племянницы, он вошел, запер за собой замок и засов и в темноте поднялся на второй этаж, в полной уверенности, что девушка спит безмятежным сном в собственной комнате. Он уже хотел постучать в дверь ее комнаты, как вдруг краем глаза заметил странный черный прямоугольник далее по коридору. Трегубов замер, а потом дрожащими руками полез в карман пальто за спичками. В дымном пламени спички Трегубов увидел, что дверь его хранилища была открыта нараспашку, замок – сломан.

Михайла Фомич схватился за сердце.

3

Жестокий старик

Ему снилась Аня, лежащая у самого берега на дне пруда, а над ней – зеленые блюдца кувшинок с желтыми цветками, подводные травы, водомерки, потом густые кусты, острые вершины елей и серое осеннее небо. Аня молча смотрела на него, раскинув руки, смотрела, не отрываясь... Но Скопину не было больно, потому что так он хотя бы мог снова увидеть ее лицо. Ее лицо... Ведь это ее лицо? Он хотел наклониться ниже, сквозь воду, чтобы рассмотреть ее лицо, привычно коснуться губами кончика ее носа, закрытых век, щек, губ, подбородка. Но разве это ее лицо?

Он попытался сосредоточиться, но, как всегда во сне, попытка разглядеть закончилась неудачей. Пруда больше не было. Не было и Ани. Была темнота и голос Мирона:

– Вставай, Иван Федорыч. От Сущевской части вестовой. Вставай, зовут! Я уже сюртук приготовил.

Скопин сел на лежанке и попытался пригладить лохмы.

– Напомни мне, чтобы я поменьше спал.

– И поменьше пил, – отозвался Мирон, щеткой деря волосы барина, чтобы придать им хоть какое одинаковое направление.

– Что вестовой?

– В прихожей. Ждет.

Скопин со стоном поднялся, вогнал босые ступни в стоптанные ковровые тапочки и пошел к умывальнику. В перевязанном боку саднила неглубокая рана, полученная от бри- того.

– Который час? – спросил Скопин, плеская себе на лицо ледяную воду.

– Одиннадцать, – взглянув в сторону ходиков, ответил слуга.

– Утра?

– Вестимо, ночи. Разве по утрам у нас дела делаются? По утрам душегубцы дома сидят или в церкву ходят, грехи замаливать. Одевайся уже.

Иван Федорович сел на табурет у стола, намотал портянки, сунул ноги в сапоги, принесенные Мироном, потом натянул сюртук и, не застегивая его, приказал:

– Водки дай.

Мирон ответил:

– Нету. Всю ты выжрал еще днем.

Скопин тяжело вздохнул.

– Это хорошо, что вестовой, – говорил Мирон, заправляя постель. – А то без работы ты совсем того... не человек, а тюлень.

– Иван Федорович, срочно вызывают, – сказал посыльный, однурукий унтер Прибылов, оставленный на службе ввиду усердия.

– Что там? – спросил Скопин, протирая глаза.

– Известно что, раз за вами послали, – встрял Мирон. – Убийство, не иначе.

– Оно, – кивнул унтер.

– Кого пришили? – вяло поинтересовался сыщик.

– Не знаю, вашбродь, – отозвался унтер. – Нам не докладывают. Беги, говорят, Прибылов, рука у тебе одна, а ног – двое. Зови, говорят, Ивана Федорыча.

– А кто хоть говорит-то? Куда ехать?

– К нам, в Сущевскую часть. Куды ж еще, не в Кремль же!

– Понятно, – сказал Скопин. – Мирон, шинель подай и фуражку.

– Так вот они. – Бывший денщик уже протягивал форменное кепи и перекинутую через руку черную шинель с латунными судейскими пуговицами. – Может, повязку сменить, а? Прикипит ведь, потом с водой отдирать придется.

Скопин, не отвечая казаку, сел на крепкий дубовый табурет и вынул из кармана маленькую чёрную трубочку.

– Так кто тебя послал? – спросил он у вестового.

– Архипов. Захар Борисович. Он у нас всего-то месяца три. Из Петербурга.

– Питерский? – спросил Скопин.

– Нет, наш, московский. Из молодых, да ранних. Обучался в столице. Очень пряткий.

– Захар Архипов? Не знаю такого.

– Я же говорю – недавно к нам устроился, – ответил унтер.

– А ты, Прибылов, как? Со мной пойдешь или вернешься?

– Я, вашбродь, домой пойду. Моя смена закончилась. Если целковым одарите, так по дороге ещё и свечку за вас поставлю Николе-угоднику.

– В кабаке, что ли? – спросил Скопин, набивая трубку табаком из бисерного кисета.

– Уж где придётся, – кивнул унтер.

Скопин быстро шагал по темной спящей улице – Сущевская часть была недалеко, за баней. Газовые фонари горели тускло, в сыром воздухе висел плотный запах дров и угля. Время от времени взлаивали сторожевые собаки, но так, для порядка. Иван Федорович старался держаться досок, проложенных по краям улицы, чтобы не увязать в осенней грязи мостовой, но время от времени сбивался и, чертыхаясь, тер подошву о край доски, счищая комья земли. На краю площади, около Екатерининского института для благородных девиц, стояла полосатая будка. Из крыши будки торчала чугунная труба, обложенная кирпичом. Дымок от трубы поднимался вверх – значит, будочник не спал еще.

Скопин перешел площадь по краю и оказался на Селезнёвке. Тут тоже спали, было тихо, но фонари стояли чаще и светили ярче. Наконец, миновав баню, Скопин увидел каланчу Сущевской части и по подъездной дороге подошел к крыльцу.

Дверь была не заперта. Иван Федорович толкнул ее и чуть

не столкнулся нос к носу с молодым человеком невысокого роста в темно-серой сюртучной тройке, но с офицерской вышивкой, со светлыми волосами и усами щеточкой.

– Доброй ночи, – сказал Скопин, посторонившись, чтобы дать этому человеку выйти.

Но тот остановился в дверях, держа в руках потертый цилиндр.

– Вы Скопин? – спросил молодой человек.

– Так точно.

– Это я вас вызвал. Разрешите представиться: Архипов Захар Борисович. Следственный пристав. Прошу.

Он сделал шаг назад, впуская Скопина.

– Здесь жарковато, – сказал Иван Федорович, снимая фуражку и расстегивая шинель.

– Вероятно, – пожал плечами Архипов. – Я не замечаю.

Может быть, он действительно не замечал, насколько жарко натоплено в помещении, но вот самого Ивана Федоровича сумел рассмотреть быстро и подробно – как учили в Петербурге.

Скопин был выше него на два вершка, лицо имел помятое, со светло-серыми глазами, обведенными темными кругами от недосыпа и пьянства. Щеки его покрывала русая щетина. Все лицо, фигура и тихий голос были полны усталости. Кроме того, Скопин время от времени вдруг морщился, как будто окружающее не нравилось ему – Архипов не знал, что следователь был ранен, и рана эта побаливала. Но самое

неприятное, что от этого Скопина разило перегаром!

Пока они молча шли по грязному, плохо освещенному коридору, Архипов досадовал, что придется передать дело такому вот субъекту, который, вероятно, просто подпишет протокол и уйдет домой или в кабак.

Скопин и сам бы, без провожатого, дошел до нужной комнаты – в Суцевской части он бывал много раз по службе. Да и молодой пристав не показался ему с первого взгляда: сухой, как прошлогодняя вобла, одетая в штатское. Скопин сам служил в армии, но в Туркестане не налегали на шагистуку – было некогда.

Архипов открыл перед следователем дверь и пропустил вперед себя. Большая комната была хорошо освещена. Здесь стояло несколько столов, за которыми днем принимали посетителей или опрашивали задержанных. Между двумя зарешеченными окнами стоял большой шкаф с адресными книгами, сборниками предписаний и прочей справочной литературой, которую надо было держать под рукой. В углу – бак для кипятка, впрочем, теперь, в ночную пору, холодный.

В углу, на скамье, сидела девушка, закутанная в шерстяное казенное одеяло серого цвета, из-под которого торчало грязное по подолу коричневое домашнее платье. Девушка сидела, наклонив голову и обхватив себя руками.

Архипов положил на стол цилиндр и указал на девицу:
– Вот. Ее дворник привел из дома Перфильева. На улице подобрал. Думал, гуляющая, ну, и отвел сюда, в часть. Ма-

рия Ильина Рожкова. Родилась в Тамбовской губернии. После смерти родителей приехала в Москву к дяде, Трегубову Михайлу Фомичу, мещанину. Утверждает, что сегодня вечером его дом был ограблен в отсутствие хозяина. Грабители вынесли много ценных вещей, поскольку дядя ее – коллекционер. Сам же Трегубов, вернувшись домой и обнаружив ограбление, обвинил во всем девушку и выгнал ее на улицу в одном платье.

– Это вы дали ей одеяло? – спросил Скопин, подходя поближе.

– Я.

– Но здесь и так хорошо натоплено.

– Она дрожит, – ответил Архипов. – Я подумал...

Он не закончил фразы. Скопин кивнул и сел рядом с девушкой.

– Значит, тебя зовут Маша? – спросил он, обращаясь к ней.

– Я послал за вами в порядке формальности, – сказал Архипов. – Считаю, что надо возбудить дело. Это по вашей части. Вы подпишете бумаги?

Скопин посмотрел на него и приложил палец к губам, а потом снова повернулся к девушке.

– Маша, посмотри-ка на меня.

Девушка подняла разбитое лицо с фиолетовыми синяками.

– Ох ты... – произнес Скопин участливо. – Это они тебя

так?

Она кивнула.

– А за что? Ты хотела им помешать?

Она кивнула снова.

– Ну, посиди здесь, мы сейчас еще поговорим, – сказал Скопин, поднимаясь и делая знак Архипову, чтобы тот вышел с ним в коридор.

Притворив дверь, Скопин спросил:

– А вы уже выезжали на место преступления? И вообще, с чего вы решили, что девушка говорит правду? Разве не может быть такого, что она действительно обчистила своего дядю? И тот ее действительно выгнал?

Он снова поморщился из-за того, что рана в боку заныла.

Архипов, видя, что следователь явно пытается замять дело, напрягся.

– По закону я могу устроить обыск только после возбуждения дела. То есть с вашего согласия, Иван...

– Федорович, – подсказал Скопин.

– Иван Федорович, – повторил Архипов.

– Показания вы сняли?

– Да. Грабителей было двое. Она их подробно описала.

– Хорошо, – кивнул Скопин. – Потом дайте мне прочитать описания. Может быть, кого я и узнаю. Значит, вы предлагаете открыть дело? Но по какой статье?

– Девушка избита... – начал Архипов.

– И изнасилована, – добавил Скопин.

Архипов быстро взглянул на него.

– Она не сказала.

– Конечно, – кивнул Скопин. – Она не сказала. И не скажет. Завтра, когда придет доктор Зиновьев, попросите его сделать осмотр. Пусть он вызовет кого-то из женщин.

– Но Зиновьев – патологоанатом, – удивился Архипов.

– Это сейчас, – отозвался Скопин. – Вы посмотрите, как она сидит – вся сжалась в комочек. Я уже не говорю про кровь на ее юбке. Пятнышки небольшие, на коричневой ткани сложно заметить, но у меня глаз наметанный.

Архипов досадливо поджал губы – он не заметил крови на юбке девушки.

– Постановление об открытии дела я выпишу, – продолжил Скопин, растирая лицо ладонью. – Но лишь только по факту избиения. Про изнасилование мы пока ничего записывать не будем – вдруг я ошибся. Поедем сейчас к ее дому, посмотрим, что там. Если действительно произошло ограбление, думаю, там не спят. Так что никого и не разбудим. Девушку придется взять с собой. Дежурный экипаж есть?

– Есть.

– Хорошо, сходите, прикажите подавать, а я поговорю с потерпевшей.

Скопин вернулся в комнату для опросов и снова подсел к Маше.

– Мария, меня зовут Иван Федорович. Я – судебный следователь. Мы сейчас с тобой вместе поедем к твоему дяде, и

ты на месте нам покажешь, что и как произошло, хорошо?

Маша поежилась.

– Можно я посижу тут? – спросила она шепотом. – Пожа-луйста!

– Скажи, – продолжил следователь, будто не замечая ее просьбы. – Это дядя тебя так поколотил?

– Дядя? Нет, он стукнул пару раз, но – не сильно. Это он...

– Кто?

– Бандит. Молодой. Сёмка.

– Откуда ты знаешь его имя? – удивился Скопин.

– Тот, второй, сказал.

Скопин внимательно посмотрел на девушку.

– Главный... Он убьет меня. Так и сказал, – тихо проговорила Маша.

– Ерунда. Никто тебя не убьет. Они так всегда пугают, – ответил Иван Федорович. – Это они держатся, как волки. А я – волкодав.

– Я не прощу, – зло ответила Маша.

Скопин кивнул – девушку точно изнасиловали, иначе его слова не вызвали бы такой реакции.

– Теперь мы поедem в твой дом, поговорим с дядей, – сказал он.

– Я там не буду жить, – твердо сказала Маша, выпрямляясь.

– Хорошо, – согласился Скопин. – Но вещи твои мы заберем. Одежду. Что еще?

Она помотала головой.

– А потом пристроим куда-нибудь, – продолжил Скопин. – Ты ж совершеннолетняя?

– Да.

– Но это – завтра. А сейчас пошли, надо сделать дело. И дядю не бойся, я тебя в обиду не дам. Держись за мной и говори только правду. Договорились?

Девушка встала вместе со Скопиным, но тут же покачнулась, оперевшись локтем ему прямо в раненый бок. От боли он чуть не вскрикнул, но сдержался.

– Простите, – сказала она.

– Ничего.

Они вышли из дверей на темную улицу, где уже стоял служебный экипаж – старая черная карета, запряженная чалой кобылой. На козлах сидел пожилой солдат Чумыкин, знакомец Скопина. Иван Федорович дал ему адрес, пропустил вперед Машу, а потом и сам сел внутрь экипажа, где их уже поджидал Архипов.

– Едем.

Карета дернулась и покатила вперед, переваливаясь на кочках. Было слышно, как фыркает старая кобыла Изольда и скрипят ржавые оси. По крыше тихо застучали капли дождя. Скопин потянул на себя занавеску окна: в темноте мимо проплывали редкие фонари.

– Дождь начался, – сообщил он своим спутникам, но они ничего не ответили.

Наконец, экипаж остановился перед калиткой.

– Приехали? – спросил Скопин девушку.

Маша молча кивнула. Они вышли из экипажа, и Архипов толкнул калитку рукой.

– Закрыто, – сказал он.

Скопин отломил тонкую веточку от яблони, склонившейся через забор, поддел крючок и открыл дверцу.

Он первым вошел во двор, вертя палочку в руке.

– Точно, не спят, – указал он на освещенное окно второго этажа.

Около двери они остановились, и Архипов несколько раз провернул рычажок звонка. Тот продребезжал внутри дома, но в ответ не донеслось ни звука.

– Не слышат? – спросил Архипов и снова покрутил рычажок.

Наконец за дверью раздались шаги и старческий голос произнес:

– Убирайтесь! У меня револьвер! Буду стрелять.

– Откройте, – громко сказал Архипов. – Полиция.

– Оставьте меня в покое! – истерически выкрикнул старик из-за двери. – Мало вам было? Опять пришли? Говорю же – у меня револьвер!

Скопин повернулся к девушке, которая безучастно стояла за его спиной.

– Правда есть револьвер?

Маша пожала плечами.

– Я следственный пристав Архипов. Со мной судебный следователь и ваша племянница. Откройте. Иначе позовем дворника и будем ломать дверь!

– У нас нет дворника, – сказала Маша.

– Я вас не знаю! – крикнул старик из-за двери. – И ваши имена мне не знакомы.

– Надо позвать квартального, – предложил Скопин. – Здесь квартальным Михеев. Он живет недалеко. А то и вправду придется ломать. Я схожу к карете, попрошу Чумыкина, чтобы съездил за квартальным. Подождем немного.

Пока Скопин ходил распоряжаться, Архипов еще несколько раз пытался уговорить вредного старика открыть. Грозил ему арестом и судом, но тот ни в какую не соглашался отворить дверь.

Скопин вернулся, сел на перевернутое ведро, стоявшее возле крыльца, вынул из кармана маленькую черную трубку и раскурил ее. Дождь моросил по-прежнему. Подошел Архипов.

– Я могу выстрелить в замок и сбить его, – сказал он.

– Зачем? – спросил Скопин. – Сам Трегубов пока ни в чем не обвиняется. Это мы пытаемся вломиться к нему в дом.

Архипов глазами указал на Машу. Скопин пожал плечами:

– У нас есть только ее показания. Мы не можем их проверить, пока не попадем внутрь и не поговорим со стариком.

Архипов досадливо скривился:

– Не предполагал, что вы окажетесь таким крючкомвором.

– Это моя профессия, – спокойно ответил Иван Федорович, выпуская клуб дыма. – Я судебный следователь. Вы же читали уложение о судебных следователях? Мы не делаем выводов, просто собирая доказательную базу. Выводы делает суд.

– А! – Архипов махнул рукой.

– Маша, хотите сесть? – спросил Скопин у девушки.

Маша отрицательно покачала головой.

– Как вы попали в полицию? – спросил Скопин молодого человека.

Архипов поднял воротник пальто.

– Можно сказать, что случайно. Готовился ехать на Балканы, но меня вместе с еще несколькими офицерами не отпустили в действующую армию, а отправили в столицу.

– Зачем?

Архипов отвел глаза.

– Я не могу этого говорить. Скажу только: на обучение.

– Понятно, – вздохнул Скопин. – Реформа?

Архипов промолчал. Скопин был совершенно прав, Захара Борисовича направили в Сыскной отдел Санкт-Петербурга, предупредив, что после реформы точно такой же появится и в Москве, а значит, там будут сразу же нужны подготовленные кадры. Но с Архипова и других офицеров было взято честное слово, что они не станут раньше времени рассказывать о предстоящей реформе. После усиленного обучения их

распихали по участкам в должностях следственных приставов, чтобы они поближе познакомились со своим будущим «фронтом работы». Впрочем, была и другая причина того, что Архипов молчал: после реформы должность Скопина и таких, как он, собирались упразднить. И все функции следствия по уголовным делам переходили в Сыскной отдел. Поэтому Захар Борисович так неловко себя чувствовал в присутствии Ивана Федоровича.

За оградой послышались голоса, потом калитка отворилась, и на тропинке показалась грузная фигура в форменной зеленой шинели и сбитом на затылок кепи. Это был квартальный надзиратель Михеев, поднятый среди ночи с постели и оттого прибывший в самом раздраженном настроении. Узнав Скопина, он немного поутих и подошел, вытирая мясистой рукой мокрое от дождя лицо.

– Иван Федорович? Здравсьте! Убили кого?

Скопин указал трубкой на дом.

– Знаете, кто тут живет, Савелий Палыч?

– Тут-то? Трегубов, коллекционер. Что с ним?

– Не открывает. Грозит револьвером, – ответил Архипов.

Михеев повернулся к нему и прищурил глаза.

– А вы кто будете?

– Следственный пристав Архипов, – ответил Захар Борисович.

– А! – поднял густые брови Михеев. – Тогда и вам здравсьте. Сейчас разберемься.

Он подошел к двери и забарабанил по ней кулаком.

– Там звонок есть, – сказал Архипов.

Но квартальный не обратил на него никакого внимания.

– Оставьте, он сам разберется, – спокойно произнес Скопин, не делая даже попытки подняться со своего ведра.

– Я сказал, сейчас стрелять буду! – послышался истеричный вопль из дома.

– Михайла Фомич, открывай. Это я, Михеев, – крикнул квартальный надзиратель. – Открывай, не балуй!

После секундного молчания послышался звук отпираемого замка. Дверь слегка приотворилась.

– Ну вот, пожалте, господа следователи, – сказал Михеев. – Отворил. Я еще нужен?

– Пойдите тут, – приказал Скопин, вставая с ведра. Он сунул трубку в карман и подошел к крыльцу. – Трегубов, вы нас впустите или сами сюда выйдете?

Дверь отворилась шире, и на крыльцо вышел старик с растрепанной седой шевелюрой и закутанный в старый ватный халат. В одной руке у него действительно был револьвер, а в другой он держал керосиновую лампу..

– Я Трегубов, – заявил он. – Что вам от меня надо?

– Вы знаете эту девушку? – спросил Архипов, указывая на Машу.

Старик молча посмотрел на девушку, а потом решительно ответил:

– В первый раз вижу!

– Вы уверены?

Старик поджал губы, показывая, что больше разговаривать на эту тему он не собирается. Но тут подал голос Михеев.

– Да это ж его племянница. Маша. Михайла Фомич, это ж твоя племянница.

– В первый раз вижу.

– Вот те на! – ответил квартальный. – Я сам ей отметку в паспорте делал год назад.

– Ничего не знаю! – взвизгнул Трегубов. – Может, раньше она и была моей племянницей, а теперь – нет!

– Вы хотите сказать, что выгнали ее из дома и теперь знать не хотите? – спросил Скопин.

– Вот именно! Не хочу! – заявил Михайла Фомич.

– А по какой причине? – спросил Иван Федорович.

– Неважно!

– Послушайте, господин Трегубов, – нетерпеливо сказал Архипов. – У нас есть подозрение, что ваш дом ограбили. И вы свалили вину на эту девушку.

Трегубов дернулся, будто его ударили палкой.

– Не было никакого ограбления! – сказал он звонким петушиным голосом, – Слышите! Никакого ограбления! А девчонку я выгнал потому... Потому что не хочу больше терпеть в своем доме эту особу.

– Позвольте нам войти и осмотреть дом, – потребовал Архипов.

– Нет! Не позволю!

– Да ты с ума, что ли, спрыгнул, Михайла Фомич! – вмешался Михеев. – Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь?

Архипов повернулся к Скопину. Тот кивнул и сделал шаг вперед.

– Господин Трегубов, – произнес Иван Федорович тихо. – Я судебный следователь Скопин. Властью, данной мне прокурором Москвы и судебными законами России, а также для проверки полученной мной информации я приказываю вам впустить нас в дом и показать все, что мы посчитаем нужным.

– А если я откажусь? – спросил старик уже без задора.

– Тогда я вызову сюда нижних чинов. Вас мы арестуем и проведем полный обыск со вскрытием полов, поиском тайников и испарыванием подушек. А также реквизируем по описи все, что посчитаем подозрительным или имеющим отношение к делу, – спокойно ответил Иван Федорович. – А дом опечатаем до прекращения следствия.

– Черт бы вас побрал! – сказал старик в сердцах и махнул лампой. – Входите. Но только девчонку я не пущу. Пусть остается здесь.

– Под дождем? – спросил Архипов. – Вам ее не жаль?

– Мария пройдет вместе с нами, – сказал Скопин. – Как свидетель.

– Свидетель чего? – усмехнулся старик.

– Неважно.

– Ну-ну! – Трегубов отошел внутрь, пропуская пришедших.

В дверях Скопин остановился и повернулся к квартальному.

– Идите спать, Михеев, дальше мы сами.

Квартальный отдал честь, потом погрозил коллекционеру кулаком и пошагал обратно к калитке.

– Пройдемте сразу наверх, – предложил Скопин.

Старик бросил ненавистный взгляд на Машу. Вслед за коллекционером они поднялись на второй этаж.

– Маша, где ваша комната? – спросил Скопин.

– Тут, – Маша указала на дверь.

– Откройте, – приказал Скопин старику.

Тот фыркнул и открыл дверь. Иван Федорович взял у Трегубова лампу и вошел внутрь.

– Маша, идите сюда, – позвал он.

Архипов увидел усмешку на плотно сжатых губах старика.

Когда Маша вошла в свою комнату, Скопин поднял лампу повыше, осветив голые стены. Комната была совершенно пуста, будто тут никто и не жил.

– Он все вынес, – сказала Маша горько.

– Да, – кивнул Скопин. – Похоже, старик подготовился. И не только тут.

Они вышли.

– Я же говорю, – издевательским тоном произнес Трегу-

бов. – Нет у меня никакой племянницы. И не было. А эту девку я взял с улицы и содержал ее. А потом прогнал.

Маша закрыла лицо руками. Архипов издал такой звук, будто собирался выругаться.

– Ну хватит уже, – тихо сказал Скопин. – Надо и меру знать. Маша, где произошло ограбление?

Она указала на дверь хранилища.

– Откройте, – повернулся Скопин к Трегубову.

– А там и не заперто, – весело отозвался старик. – Сами откройте.

Скопин подошел к двери Хранилища и толкнул ее.

– И тут пусто, – сказал он.

– Может, в подвал перенес? Есть в доме подвал? – спросил Архипов у Маши.

Но Скопин покачал головой.

– Скажите, господин Трегубов, – обратился он к старику. – Было сегодня в вашем доме ограбление или нет?

– Нет, – ответил старик. – Не было.

– Понятно... То есть у вас все хорошо, никто в дом не проникал, ничего не унесли?

– Именно!

Скопин вздохнул:

– Никаких официальных заявлений в полицию вы делать, конечно, не будете?

– Не буду, – упрямо замотал головой старик.

Скопин пожал плечами:

– Тогда нам остается только извиниться за вторжение. Но прежде, чем мы уйдем, я прошу вас отдать Марии ее вещи. Или вы не против, чтобы она осталась?

– Нет у меня никаких ее вещей. И пусть катится на все четыре стороны! – крикнул старик, приободряясь. – И на вас я подам жалобу. Врываетесь среди ночи! Будите честного человека. Навязываете ему какую-то девку.

– Слушайте, вы! – вскипел Архипов, но Скопин поймал его за руку и сжал, приказывая замолчать.

– Хорошо, господин Трегубов, – сказал он спокойно. – Я вас понял. Просто хочу предупредить. Если вы мне сейчас солгали...

– То что? – спросил старик саркастически. – Убьете меня?

– Я сделаю так, что вы об этом сильно пожалеете, – ответил Скопин, глядя прямо в глаза старика.

Этот взгляд был сильным, тревожащим. Трегубов почувствовал, что перегнул палку, повышая голос на следователя. Но отступить он уже не мог. Михайла Фомич считал себя смертельно оскорбленным Машей. И всех ее защитников теперь тоже воспринимал как своих личных врагов. Он был уверен, что Маша с самого начала состояла в заговоре с целью его ограбить. И пока приказчик отвлекал Михайла Фомича поездкой к мнимой генеральше, она впустила в дом грабителей, а теперь разыграла из себя наивную дурочку, чтобы потом, разделив деньги от награбленного, пуститься во все тяжкие. В то, что полиция будет на его стороне

и поможет найти награбленное, Трегубов совершенно не верил, поскольку уже имел опыт общения с подобной публикой несколько лет назад. Тогда, после посещения частного пристава, пришедшего с обходом квартала, он недосчитался пяти серебряных ложек из французского сервиза времен Людовика Четырнадцатого, купленного за триста рублей! И хотя грабители основательно подчистили много ценного из хранилища, Трегубов был уверен, что отыщет похищенное и сам. Надо было просто обратиться к Маркелу Антоновичу Тимофееву, помощнику управляющего Шереметьевской больницы, через руки которого частенько проходили многие занятные вещички самого темного происхождения, принесенные на Сухаревку. Конечно, Тимофеев потребует награду за возвращение коллекции – и немалую, но зато это будет надежно.

– Не пугайте меня, молодой человек, – сказал Трегубов. – Уходите и заберите с собой эту девку. Я хочу спать.

Возвращение в часть проходило в молчании. Архипов сидел прямо, играя желваками. Маша безучастно смотрела в окно, хватаясь за ременную петлю, когда карету сильно накреняло. Скопин смотрел на ее лицо, по которому пробегал свет фонарей.

– Надо было осмотреть подвал, – бросил Архипов, не глядя на Скопина.

– Зачем? – ответил Иван Федорович. – Дело заведено по факту избиения. При чем тут подвал? При чем тут коллек-

ция Трегубова? Он никаких заявлений об ограблении не делал, так что и повода для обыска не имеется.

Молодой пристав зло посмотрел на него. Все-таки очень хорошо, что скоро будет реформа и таких, как Скопин, вышвырнут вон. Захара взбесило, что старик так нагло разговаривал со следователем. А Скопин, понимая, что его дурачат и что Трегубов нарочно скрыл следы преступления, безропотно соглашался и ничего не делал, прикрываясь буквой устаревшего закона. Вот он бы живо поставил старикашку на место! Эх, если бы Сыскной отдел в Москве уже был открыт! Провести бы обыск по всем тем правилам, которые он узнал в Петербурге! С понятыми, протоколом и экспертами, которые живо бы установили факт сокрытия следов. А еще проверить на отпечатки пальцев и – он покосился на колени девушки – на наличие следов крови на постельном белье! Ведь куда-то же он запрятал и матрас, и белье! Вряд ли успел сжечь – тогда в доме пахло бы паленой тканью!

– Не сердитесь вы так, – сказал Скопин. – Старикашка от нас никуда не уйдет. Прижмем мы его. Я же предупредил его: если соврал, то сильно об этом пожалеет. Я своих обещаний на ветер не бросаю.

Архипов с досадой пожал плечами. Слова! Все это просто слова!

– Маша, хотите, переночуйте у меня, – предложил Скопин. – Я живу недалеко от части, на Лазаревской улице.

Маша отрицательно покачала головой.

– Понимаю, – согласился Скопин. – У вас есть еще родственники в Москве?

– Нет.

– Тогда езжайте в часть, поспите там на лавке. А завтра я займусь вами. Выправим вам временные документы и определим куда-нибудь. Хорошо?

Маша кивнула, не отрывая взгляда от окна кареты. Ей хотелось уснуть и больше не просыпаться.

Мужчина на кладбище поднял воротник и сунул руки в карманы. В темноте он едва нашел условленную могилу и теперь с досадой думал, что нанятый им человек может заплутать, а становилось холодно. От земли поднимался белесый туман, достигая колен. Но вот в тишине послышалось позвякивание – бритый, оступаясь, приблизился с мешком на плече. Свалил добычу на землю.

– Тише, – сказал первый. – Сторожа разбудишь.

Надеждин сплюнул.

– Не, дурак он, что ли, в такую погоду по кладбищу шляться.

– Принес?

Бритый кивнул на мешок.

– Не это! – с досадой сказал человек. – Самое главное принес?

– А! Ты там поройся, посмотри. Где-то завалилась.

Человек пристально взглянул в лицо Надеждину.

– Обманываешь?

– Да иди ты! – зло ответил бритый. – Че ты ко мне пристал? Смотри, говорю, сам! – Он пнул ногой зазвеневший мешок.

– Плевать мне на всю эту... твою... – человек задохнулся от гнева. – Мы о чем договаривались? Это дерьмо – дяде, а мне только то, что я хотел.

– А ты не ори на меня, козлина, – мрачно ответил Надеждин.

Человек тяжело вздохнул, будто укрощая свой гнев, а потом совершенно обычным голосом попросил:

– Открой пошире, посмотрю.

Надеждин пожал плечами и присел на корточки над мешком. В этот момент человек быстро шагнул ему за спину, выхватил из-за пазухи странный треугольный клинок и вонзил Надеждину точно между позвонками. Бритый покачался на корточках, а потом с остекленевшими глазами, без звука завалился на спину, не в силах двинуть ни единой конечностью. Убийца наклонился над ним, приставил свой клинок к груди бандита и, не отводя от его лица глаз, прошипел:

– Лжец! Мразь.

4

Лазаревское кладбище

В эту ночь выспаться Архипову так и не удалось. Утром, в восьмом часу, примчался послушник из храма Сошествия Святого Духа, что на Лазаревском кладбище, и сообщил, что среди могил нашли зарезанного человека. Захар Борисович как раз закончил оформлять временные документы для Маши, спавшей на старом диване в комнате старшего брендмейстера – пожарная часть находилась в этом же здании. Вызвав дежурного, Архипов приказал: как только появится доктор Зиновьев, отослать его на место убийства. Потом справил малую нужду в сортире, стоявшем во дворе, умылся под рукомойником, сполоснул ледяной водой лицо и провел рукой по светлой щетине, выросшей со времени последнего бритья в соседней бане: пока терпимо.

Пешком, в сопровождении послушника, он направился к кладбищу.

Москва уже проснулась – по Селезневке пошли пролетки, телеги, груженные утренним товаром для лавок и магазинов. Дым валит из всех труб – дворники уже заканчивали протопку печей, и хозяйки привычно выметали за ними дровяной сор. Под серым октябрьским небом летали одинокие вороны и стаи воробьев, а внизу по булыжным тротуарам шли люди

– молчаливые, озабоченные, не выспавшиеся. Архипов, по-скальзываясь, перешел площадь перед Екатерининским институтом, откуда начиналась высокая каменная стена Лазаревского кладбища. Впереди уже была видна огромная насыпь Камер-Коллежского вала. Здесь его еще не срыли, как в Грузинах, и вал по-прежнему отделял окраину Москвы от Марьиной Рощи – места нехорошего, темного, в котором только одна Шереметьевская улица и была безопасной настолько, что на ней селились приличные господа, но стоило свернуть в любой переулок, как двухэтажные каменные дома заканчивались и начинались настоящие деревенские дворы, в которых припеваючи жил московский сброд – воры, грабители, мошенники и опустившиеся шулера. На первой линии Шереметьевской улицы жить было безопасно – воровское правило «не работай там, где живешь» действовало безотказно. Но вот дальше...

Захар прошел по Александровской площади, справа из-за кованой ограды виднелся фасад Екатерининского женского училища, а слева – такого же женского, но Александровского. Потом – вдоль кладбищенского забора, через который свешивались черные сучья деревьев, и оказался перед воротами, за которыми желтело здание храма Сошествия Святого Духа.

– Куда дальше? – спросил он у послушника.

– Идите за мной, – сказал тот, забрал вправо и уверенно повел среди могильных оград.

Кладбищенские стены, неровные, выкрашенные в тот же желтый цвет, что и стены храма, как будто отсекали остальной мир. Здесь же были только могилы, пучки гниющей травы, втоптаные в грязь раскисших дорожек, черные деревья, узловатые, утыканные кривыми тонкими ветвями, уцелевшие, вероятно, еще со времен чумы 1758 года, когда тут по приказу Екатерины стали хоронить умерших от «дурной болезни».

Вдалеке, между крестов и памятников Архипов увидел небольшую группу, стоявшую кружком. Настоятель храма, протоиерей Никита Сеницын, сложив пальцы на груди, прямо под бородой, хмурил седые брови. Стоявший рядом высокий монах увидел приближавшегося послушника и призывно махнул ему рукой. Тут же ошивался и кладбищенский смотритель – маленького роста человек в сапогах и овчинном полушубке. Он мял в руках шапку, время от времени вытирая ею потевший лоб.

– Следственный пристав Архипов, – представился Захар Борисович, подходя и бросая взгляд на мертвое тело, лежавшее у решетки ограды. На кресте он прочитал: «р. Б. Сандунов С. Н. верный служитель Мельпомены. 1756–1820».

– Это который Сандунов? – спросил он у смотрителя.

– Сила Николаевич, – ответил тот с готовностью. – Известно какой, актёр! И они же построили бани. Сандуновские.

Архипов кивнул. Забавно, что актёр Сандунов остался в истории благодаря служению вовсе не Мельпомене, а Гиги-

ене.

Настоятель повернулся к послушнику:

– А где Иван Федорович? Где Скопин?

– Так ведь вы следователя велели звать, – ответил тот испуганно.

– Ну да, следователя. А ты кого привел?

– Следователя, – послушник указал на Архипова. – Из части, как велели.

Захара Борисовича этот разговор покоробил.

– Ваше высокопреподобие, – сказал он. – Вы можете меня не знать, поскольку я назначен недавно. Но заверяю вас, тут нет никакой ошибки. Я следственный пристав Суцевской части. И я уполномочен расследовать все преступления на ее территории.

– Хорошо, – с сомнением кивнул настоятель, а потом повернулся к высокому монаху. – Силантий, ты все же сбегай, позови Ивана Федоровича.

– Зачем же вам еще и Иван Федорович? – с досадой спросил Архипов, до сих пор переживавший из-за того, что Скопин не дал ему повернуть дело об избиении Маши так, как он хотел.

Высокий монах быстро пошел в сторону ворот. Протоиерей проводил его взглядом, а потом повернулся к молодому приставу:

– Не обижайтесь. Вас я не знаю, а в Иване Федоровиче уверен. Дело-то серьезное. Убийство под стенами обители.

Ведь не в трактире, не в лесу, а рядом с божьим местом! Я уж не говорю, что послушницы волнуются.

Архипов поджал губы, но решил не спорить, а быстрее взяться за расследование, чтобы к приходу ненавистного Скопина уже иметь полное представление о произошедшем здесь убийстве.

– Прошу отойти на два шага назад, – сказал он твердо и наклонился над телом.

– Зарезали? – спросил настоятель, не двигаясь с места.

– Это скажет специалист, – сухо бросил Архипов, хотя и так было понятно – лежавшего на земле бритого мужчину именно что зарезали. Удар был нанесен точно между ребер, рана была широкая, крови натекло много.

Захар Борисович принял самый строгий вид, надеясь, что присутствующие не замечают его волнения. Это было первое убийство, которое ему приходилось расследовать – до того он выезжал на места преступлений только в Петербурге, сопровождая следователей столичного Сыскаго отдела.

Для начала Архипов аккуратно обшарил карманы убитого, нашел нож, пару монет и вид на жительство, выписанный на имя московского мещанина Надеждина Николая Петрова, проживающего в Четвертом проезде Марьиной Роши, в доме номер пять. Бумага была потрепанной, сложенной в четыре раза. Порванная на одном из сгибов почти до середины. Вот уж несказанно повезло!

– Нехорошо, что вы стояли так близко к телу, – сказал Ар-

хипов, поднимаясь и пряча бумагу в карман пальто. – Боюсь, уничтожили все следы. Попрошу каждого из вас приподнять ногу, чтобы я мог измерить ваши подошвы.

– Зачем? – спросил настоятель. – Это лишнее.

– Ваше высокопреподобие, – напрягся Архипов. – Я веду следствие и прошу выполнять мои указания. – Но почувствовав, что перебрал с приказным тоном, он объяснил: – Я должен вычленить след преступника на земле. Чтобы не перепутать его с вашими следами, я должен измерить подошвы.

Протоиерей поморщился, но подозвал к себе послушника и, опершись на его плечо, приподнял ногу. Архипов вынул из кармана складной метр, потом нагнулся и проверил длину подошвы его ботинка. Такую же операцию он проделал с остальными. А потом, нагнувшись, начал осматривать след на тропинке.

– Обронили что-нибудь, господин пристав? – услышал он голос Скопина.

– Не мешайте, я работаю, – ответил Захар Борисович, не разгибаясь. Он надеялся, что судебный следователь не станет подшучивать над его неопытностью.

– Да что вы! – сказал Скопин. – Мы тут с Павлом Семеновичем постоим, полюбуемся новыми методами. Здравствуйте, Никита Никитич! Благословите.

Протоиерей подал руку для целования, потом сделал крестное знамение над головой Скопина.

– А вы что же не подходите для благословения? – спросил он у доктора Зиновьева. – Или вы из латинян?

– Я, ваше высокопреподобие, из морга, – ответил доктор Зиновьев, почесывая свою короткую кудрявую и черную, как вороново крыло, бороду. – Мы там помогаем покойникам предстать перед апостолом Петром в самом облегченном, так сказать, виде.

– Это как? – удивился настоятель.

– А все, что нужно для следствия, мы изымаем, – ответил доктор и приподнял короткий цилиндр, обнажив начинающую лысеть голову. – Кишочки, желудочек, селезеночку. Им они все равно в Царствии Небесном не надобны. Ну зачем, скажите, селезенка на Суде Божиим?

– Понятно, – кивнул протоиерей. – Значит вы, скорее, безбожник. Материалист.

– Да, материала у нас хватает, – весело улыбнулся Зиновьев и указал на покойника. – Вот, например, еще материальчик для нашего натюрморга.

Скопин хлопнул доктора по плечу.

– Павел Семенович хоть и шутник, но прекрасный врач, – сказал он. – Я обязан ему своей жизнью.

– Наверное, последний пациент, кто обязан мне жизнью, – ответил доктор. – Но это было давно.

– Он вылечил меня в Туркестане, во время обороны Самарканда.

– Вот как! – поднял брови настоятель. – Отчего же вы не

купили практику в Москве?

– С мертвецами легче, – ответил доктор. – Они не задерживают гонорары. Ведь за них платит городская казна.

Архипов разогнулся и указал на землю возле своих ног.

– Похоже, тут был еще один человек. Это следы галош.

– Конечно! – отозвался Скопин. – Убийство, оно как таец: требуется пара к убитому. Вы разрешите?

Архипов кивнул, пропуская Скопина к телу. Он досадовал, что судебный следователь превратил его слова в глупую шутку.

– Зато я уже знаю фамилию покойника, – сказал он, пытаясь перевести ситуацию в свою пользу.

– Надеждин, – кивнул Скопин.

Архипов поджал губы. Положительно, Скопин не хотел уступать ему первенства в расследовании.

– Вот, – протянул он сложенный вид на жительство. – Нашел в кармане.

– Батюшки! – сказал новый голос. – Это ж тот самый, что тебя порезал!

Архипов оглянулся. Со стороны храма подошел коренастый старик с седой круглой бородой, в шинели и старом, когда-то белом кепи туркестанского образца, только без наматыльника.

– Ты, Мирон, погоди, не мешай господину приставу, – недовольно поморщился Скопин, пока вновь прибывший получал благословение у протоиерея. – Мы тут как-нибудь са-

ми разберемся.

– Он вас порезал? – спросил Архипов.

Скопин махнул рукой.

– Пустое.

– И вы не объявили его в розыск? За нападение на судебного следователя? – поразился Захар.

– Розыск был бы недолгим, – ответил Иван Федорович. – Видите, я сэкономил казне круглую сумму. – Он кивнул в сторону покойника.

– Может, и меня пропустите к новопреставленному? – осведомился доктор, протискиваясь на узкой дорожке между двумя следователями.

Скопин вынул из кармана свою трубку и закурил. Павел Семенович принялся осматривать тело.

Настоятель, которому, вероятно, уже наскучило стоять на одном месте, откланялся и пошел в храм, оставив за себя высокого монаха, ходившего звать Скопина.

– Эй, Мирон, поди сюда, – позвал доктор Зиновьев. – Бери тут и давай-ка его перевернем.

– Кто этот Мирон? – спросил Архипов у Ивана Федоровича.

– Мой... домоправитель.

Мирон, в это время с кряхтением переворачивавший мертвеца, услышал ответ и коротко хохотнул.

– Домоправитель. Скажешь тоже, Иван Федорович. Хорошо хоть не дворецким назвал. Денщик я, только и всего, ва-

ше благородие.

– Сколько раз тебе говорить, – сказал Скопин. – Мне теперь денщик не полагается. Да и стыдно кому сказать, что у меня в денщиках – герой Иканской сотни ходит.

– А ничего, – ответил Мирон, выпрямляясь и вытирая руки о полы шинели. – Это когда было-то? Что ж мне, теперь всю жизнь в героях ходить? Такие герои теперича на паперти сидят и про подвиги свои рассказывают.

– Вы знаете про Иканскую сотню? – спросил Скопин у Архипова.

– Увы, смутно помню.

– Во-во! – кивнул Мирон. – Это там, в Туркестане, нас героями-то считали. А здесь...

– Как интересно... – подал голос доктор Зиновьев. – Здесь есть еще одна рана.

Архипов и Скопин склонились одновременно так, что чуть не ударились головами.

– Вот, смотрите, – указал доктор. – Перерублены позвонки.

– Может, топором? – спросил Архипов.

Смотритель кладбища также придвинулся поближе и пытался заглянуть через плечо молодого пристава.

– Не заграживайте свет! – приказал ему Архипов.

Скопин быстро наклонился и поднял с земли крохотный белый осколок. Он повертел его в пальцах, потом почесал правый вихрастый висок.

– Кто нашел тело?

– Этот. – Длинный монах ткнул пальцем в зрителя.

– А, Кривихин, – кивнул Иван Федорович. – Тогда все понятно. – Он повернулся к зрителю и нахмурил брови: – Что, сукин сын, так и будешь молчать?

Зритель дернулся всем телом, но потом начал мелко кланяться, бормоча:

– Виноват, Иван Федорович, бес попутал, простите ради Господа Бога!

Архипов недоуменно уставился на зрителя.

– Ага! – торжествующе сказал Мирон. – С нашим-то Иван Федорычем не забалуешь. Небось, что-то учуял.

– Кривихин, – обратился Скопин к зрителю. – Давай, тащи сюда, что ты там с места преступления прибрал? А? Что утащил? Думал, я не догадаюсь?

Скопин передал Архипову фарфоровый кусочек, вероятно, отколовшийся от чашки или блюда.

– Вы считаете?.. – начал Архипов. – Что это один из грабителей, которые обчистили вчера дом Трегубова?

– Очень может быть, – ответил Скопин. – Осколок фарфоровый. Найден недалеко от места ограбления. И еще – присмотритесь к этому кусочку. Фарфор тонкий, с частью хорошего рисунка. Помните же, что у Трегубова в коллекции, по словам Маши, было много китайского фарфора?

– Да.

– А вот я – хорош! – продолжил досадливо Скопин. – Не догадался связать описание девушки с тем бандитом, кото-

рый... с которым у меня была стычка! Впрочем, мало ли бранных хулиганов шляется к нам из Марьиной Рощи?

Смотритель Кривихин ходил недолго – вероятно, он спрятал мешок среди венков какой-нибудь свежей могилы. Полусогнувшись, он принес свою добычу и сложил ее к ногам Скопина. Иван Федорович присел на корточки и развязал мешковину.

– Ага. Это все – точно из дома Трегубова. Вот старик-то сглупил! – удивился Скопин. – Он же отказался признавать грабеж. Давайте-ка съездим к нему, покажем все это добро, а потом объясним, что поскольку заявления об ограблении не было, найденные предметы переходят в пользование тех, кто их нашел. Я же говорил, что он сильно пожалеет, что солгал мне. Как думаете – старик сильно пожалеет?

И Скопин улыбнулся такой широкой и веселой улыбкой, что Архипов вдруг почувствовал к нему нечто вроде симпатии.

– Думаю, он лопнет от злости! – воскликнул Архипов, но тут же осекся. – Постойте. Лучше передадим эти вещи Маше. Или так: отдадим их на Сухаревку, скупщикам антиквариата, а деньги – Маше.

– Это дело! – одобрительно кивнул Скопин. – Конечно, дело подсудное, но чем мы хуже Кривихина? А, Захар Борисович? Притырим мешочек... Правда, – он обвел глазами присутствующих, – надо будет прирезать свидетелей.

Смотритель кладбища испуганно перекрестился.

– Ну что же, – сказал Архипов раздосадованно. – Теперь все понятно. Двое грабителей решили поделить добычу. Поспорились. И молодой зарезал своего товарища. Потом его что-то спугнуло, он бросил добычу и сбежал.

– Прекрасно, – отозвался Скопин. – Осталось выяснить только, что же именно спугнуло преступника ночью на кладбище, что он даже бросил добычу... Я полагаю, это привидение. Кривихин, у тебя тут водятся привидения?

– Никак нет, Иван Федорович. Я за этим строго слежу. Да и вот, монастырь рядом. Какие тут, прости господи, привидения.

Высокий монах только криво улыбался, слушая болтовню Скопина со зрителем.

Мирон крякнул и перекрестился.

– Может, монашки по ночам шалят? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

– И, уж конечно, характер ранений совершенно не похож на обычную поножовщину, так ведь, Павел Семенович? – Скопин повернулся к доктору.

– Так, – ответил доктор, надевая цилиндр. – Не похож. И оружие не похоже на обычный нож. Я не могу пока точно определить, чем именно убили этого господина. Надо отнести его в наш морг. Но могу утверждать: я никогда не видел подобных ран.

– Мирон, держи-ка мешок, – приказал Скопин. – Отнесем его в часть вместе с покойником, там и оформим обоих.

Потом он повернулся к зрителю:

– Слушай, Кривихин, это, конечно, не мое дело, как ты тут с родственников втридорога дерешь за копку могил, за оградки и так далее. Но вот что касается воровства вещественных доказательств, это, брат...

Зритель медленно осел коленями на грязную дорожку.

– Гляди у меня. Я запомню, – сказал Скопин строгим голосом. – Будем считать, что ты просто временно переместил важные улики, чтобы их не растащили... например, монахи!

– Э! – послышалось со стороны высокого монаха.

Но Скопин подмигнул ему, и тот умолк.

Зритель кланялся, не вставая с колен.

– Прости, Иван Федорович. Бес попутал. Бес попутал. Истинно – переместил! Прихоронил до твоего прихода. А людишки тут разные бродят – ведь это только опосля смерти все тихие. А до того – жулик на жулике сидит и жуликом погоняет. Уж точно – смотрю, золотишко. Дай, думаю, припрячу, пока полиция не пришла. А то мало ли?..

– Ладно же, помни мою доброту. Жди тут. Сейчас приедет полицейский экипаж, заберет тело, – сказал Скопин и зашагал к выходу с кладбища.

– Почему вы не наказали его строже? – спросил Архипов, шагавший рядом.

Скопин пожал плечами.

– Я ведь не соврал: найденные вещи действительно ничьи,

раз об их пропаже нет никакого официального заявления. За что его наказывать? За то, что он вороватый? Так половину России посадить надо. У него и так работа не из приятных, Захар Борисович. Он, конечно, наживается на родственниках, но те никаких жалоб не подают. А значит, формально ни в чем его обвинить я не могу. Он чист перед законом.

– Формально, – язвительно сказал Архипов.

– Да, формально, – кивнул Скопин. – Но не дай бог я увижу хоть одно заявление на него или посчитаю, что он слишком много стал брать с родственников покойников...

– И он сильно пожалеет, – закончил за него Архипов.

– Вот именно! – улыбнулся Скопин.

5

Восковой отпечаток

– Ушла. Уже как час тому назад. Недоглядели...

– Как ушла? Куда? – кричал Архипов на дежурного. – Кто разрешил отпускать?

– Так это... – виновато бормотал тот. – Приказа задерживать не было. Вот, просила передать...

Захар схватил четвертушку бумаги, где круглым женским почерком было написано:

«Простите, что ухожу не спросившись. Спасибо вам за участие. Жизнь моя кончена. Не ищите меня».

Он рухнул на стул. Скопин взял из руки Архипова записку и прочитал ее.

– Эх, девушки, девушки, – сказал он. – Ну что ты будешь делать, а?

– Просит не искать, – тихо ответил Архипов.

– То есть как раз просит найти и спасти ее. Иначе вообще не оставила бы записки. Так ушла бы.

– Вы думаете? – задумчиво спросил Захар.

Иван Федорович обернулся к дежурному:

– Куда пошла-то? В сторону училищ или к Долгоруковской?

– К Долгоруковской.

Скопин пожал плечами.

– Это плохо. Так я думал, что она могла пойти наниматься в училища горничной или посудомойкой. А если к Долгоруковской, то там дальше на Миуссах мы вряд ли найдем. А если она к Лесной сунется, то тут – пиши пропало. Народец там...

– Надо догнать, – твердо сказал Архипов. – Надо ее вернуть.

– Она вышла отсюда час назад, – указал Скопин на кивнувшего дежурного. – Как вы ее догоните?

Архипов покраснел и начал злиться.

– Да что вы, не понимаете! Девушка в таком состоянии, одна, без средств, без защиты! Да с ней черт-те что может случиться!

Скопин пододвинул ногой еще один стул, сел, достал из кармана свою маленькую черную трубочку и сунул в рот. С интересом посмотрев на Архипова, Иван Федорович сказал:

– А вы представляете себе, сколько сейчас в Москве вот таких несчастных, одиноких девушек без средств к существованию, без родных и без квартиры?

– При чем здесь эти рассуждения? – зло спросил Захар. – Это все отвлеченные вещи. Мы говорим о конкретной девушке.

– Вы верите в судьбу? – Скопин достал спички и принялся раскуривать свою трубку.

– А судьба здесь при чем?

– Я повторяю вам, что нагнать Машу мы уже не сможем. Только если благодаря случайности. Но шансы на это очень малы. Она и так сделала, со своей точки зрения, слишком много: попросила вас, незнакомого человека, о помощи. Но вряд ли девушка отойдет на пару шагов и будет ждать, что вы явитесь ее спасать. Сходите, конечно, посмотрите... Вдруг я не прав?

Архипов встал.

– Так при чем тут судьба? Только коротко?

– Если ей судьба спастись – она спасется. С вами или без – но спасется. А если не судьба...

– Идите вы к черту! – выругался Архипов. – Только время тратите тут!

Он быстро вышел из части и почти побежал к Долгоруковской, уворачиваясь от прохожих.

– Вот-вот. – Дежурный присел на оставленный Архиповым стул. – Правда ваша, Иван Федорович. Ежели человеку не судьба умереть, он и вовсе не умрет. Так и будет лямку тянуть до Второго пришествия.

– Но это ты, братец, загнул, – сказал Скопин, выпуская клуб дыма. – Лучше посмотри в окошко, что там за экипаж к нам заворачивает?

– Этот? – Дежурный привстал, глядя в окно. – Небось, того покойника привезли с Лазаревского. Пойду за носилками.

Скопин подождал, пока тело пронесут в морг, стоявший за основным зданием части, почти на берегу небольшого пруда

– одного из двух. Эти пруды натекали из Неглинки. Потом встал и выбил трубку в плевательницу.

– Посмотрим, что нам еще расскажет Павел Зиновьевич, – пробормотал он.

Архипов шел быстрым шагом по Долгоруковской в сторону Палихи. Он уже обошел и Щемиловский, и Пименовский переулки, и пробежал весь Воротниковский, заглядывая во дворы, – Маши он так и не заметил. Дойдя по Лесной до самой Тверской заставы, до новых Триумфальных ворот, Захар остановился, тяжело дыша и не замечая местного будочника, который сидел на табуретке и, позевывая, наблюдал за работающими тут уличными сапожниками и их клиентами, которые, как цапли, стояли на одной ноге, поджимая вторую – босую, ожидая починки сапога или ботинка. Только тут к Архипову пришла наконец в голову мысль, о которой он не задумывался в спешке своих поисков: а почему он вообще так близко к сердцу принял уход Маши? Только потому, что она была ценным свидетелем?

Да, сказал он себе, не следовало отпускать девушку, хотя бы для того, чтобы она опознала бритого мертвеца с Лазаревского кладбища. Осколок, найденный Скопиным, еще ничего не доказывал. Надо объявить ее в розыск – именно ради опознания! И не стоило самому бегать по улицам и переулкам. Ведь он повел себя перед Скопиным совершенно по-дурацки, не обосновав важность свидетельских показаний девушки! Скопин, правда, и сам хорош – мог бы дога-

даться, а не рассиживать на стуле и не говорить благоглупости. Вот уж правда – живое доказательство необходимости реформ! Столько пустой болтовни, когда дорога каждая секунда! Когда девушка... нет, ценный свидетель подвергается опасности!

Архипов, отдышавшись, пошел обратно в часть, в сторону выдававшейся вверх каланчи. Жаль, что нельзя подняться наверх и спросить у пожарного, не видал ли он, куда пошла девушка – пожарный, скорее всего, не обратил на нее никакого внимания – сверху все люди представлялись малыми муравьями, важнее было не пропустить черный дым пожара.

Вернувшись, пристав застал дежурного, дымящего папироской у дверей части.

– Пока меня не было... эта девушка не вернулась?

– Никак нет! – вскочил дежурный, пряча папироску за спину.

– А этот... Скопин? Он ушел?

– Никак нет! Иван Федорыч пошел в покойницкую, смотреть, как доктор мертвяка режет.

– А, – устало сказал Архипов. – Понятно. Вызови мне посыльного. Я сейчас составлю описание этой девушки... она – важный свидетель, понимаешь?

– Так точно!

– Вот, – сказал Архипов, как будто оправдываясь. – Важный свидетель, а ты ее отпустил...

– Виноват!

– Ну ладно, положим, ты не знал. Пусть это описание размножат и передадут во все части – мол, мы ее ищем для опознания.

– Слушаюсь!

– Хорошо, – кивнул Архипов.

Он вошел в часть, которая уже была полна народу, пришедшего своими ногами или приведенного под белые ручки, сел за свой стол и быстро набросал запрос о розыске. Потом стал описывать Машу нарочито казенным слогом. Закончив описание и передав его однорукому унтеру Прибылову, пошел в морг.

Доктор Зиновьев и Скопин стояли у дверей морга. Зиновьев курил папиросу, а Иван Федорович свою черную трубочку.

– Вы ко мне, Захар Борисович? – приветливо крикнул доктор. – Мы уже все подготовили – раздели, помыли, честь по чести! Вскрытие я пока не делал, впрочем, чего там вскрывать-то? И так причина смерти яснее ясного.

Архипов подошел, не глядя на Скопина. А тот смотрел спокойно, ни о чем не спрашивая. Грязные русые волосы падали ему на лоб, глаза были красные, невыспавшиеся.

– Покажете? – спросил Архипов.

– Конечно, – отозвался доктор. – Там такие ранения, что просто прелесть. Пойдемте.

Он бросил папиросу, раздавил ее носком сапога и приглашающе посторонился.

Морг при Сущевской части представлял собой две большие комнаты, располагавшиеся напротив друг друга. В конце коридора находился покатый спуск в холодный подвал, где хранились невостребованные тела. А рядом – крохотный кабинетик доктора.

– Налево, – предупредил доктор из-за спины Архипова. – Прямо рядом с дверью.

Захар поморщился, привыкая к запаху, вошел в комнату с низким потолком и двумя окнами.

– Вам свет включить или так разберетесь? – спросил доктор.

– Не надо. Все видно, – ответил Архипов, останавливаясь у обитого жестью стола, на котором лежал бритый. С другой стороны встал Зиновьев. Скопин же не стал входить в комнату, а привалился к косяку, не вынимая изо рта своей трубки.

– Итак, – начал рассказывать доктор. – Мы имеем две раны от колюще-режущего оружия. Одна перерубила шейные позвонки, а вторая вот тут – прошла сквозь ребра.

– Вижу, – сухо ответил Архипов.

– Я предполагаю, что сначала была нанесена рана около шеи. Вероятно, наш клиент нагнулся, и тут убийца нанес удар. Второй же удар был добивающим, чтобы умертвить наверняка.

– А почему не наоборот? – спросил Архипов.

Доктор оглянулся на Скопина.

– Если уж убил, так убил, – ответил тот. – Ударил в серд-

це? Тогда зачем бил еще и в спину?

Архипов пожал плечами. Скопин говорил правильные вещи, но Захар был все еще раздражен его поведением. Он вообще теперь принимал все, что говорил или делал Скопин, с крайним неудовольствием, даже если тот бы прав.

– Надеждин, – Иван Федорович указал трубкой на покойника, – был человеком сильным и опасным. Да и нож у него в кармане имелся. Вероятно, убийца понимал, что сильно рискует, сцепившись с ним в открытую. Поэтому подождал, пока тот нагнется – например, развязывая мешок с награбленным у Трегубова, и ударил в спину. А когда Надеждин упал, повернул его и нанес удар в сердце.

Архипов ничего не ответил, продолжая глядеть на широкую рану в груди мертвеца.

– Я исследовал поясок осаднения, – продолжил доктор. – Участок кожи вокруг раны. Если бы клинок был грязным или ржавым, остался бы след. Но, похоже, что оружие держали в чистоте. Я нашел только мелкие следы смазки. Теперь смотрите сюда.

Доктор вынул из кармана халата лупу и передал ее Архипову.

– Вот тут, в углу раны, мы видим косо отходящие надрывы кожи, так называемый «ласточкин хвост». Это результат незначительного поворота лезвия при его извлечении. Ну это вряд ли даст вам какие-то важные детали для размышлений.

– Хорошо отточенный, – подал голос Скопин со своего места. – Да, доктор?

– Так точно, – кивнул Зиновьев. – Я осмотрел хрящи в месте раны. Они разрезаны так, будто из масла.

– А форма клинка? – спросил Архипов.

– Это самое интересное, – отозвался Иван Федорович.

– Подайте мне спиртовку, Захар Борисович, она вон там, на подоконнике, – попросил Зиновьев. – А еще рядом чашка с воском.

Архипов принес требуемое. Доктор поставил спиртовку на тумбочку около стола, зажег ее, а сверху установил железную чашку с застывшим воском. В полном молчании присутствующие смотрели, как воск начал потихоньку плавиться.

– Та-а-ак, – сказал, наконец, доктор, надел плотную рукавицу и, сняв со спиртовки чашку, аккуратно начал лить воск в рану. – Надеюсь, он не пробил легкое, иначе ничего не получится. Я, в принципе, зондировал рану и не нашел никакого отверстия во внутренние органы, но мог и не заметить.

Скопин докурил трубку и вышел на улицу, чтобы выбить ее.

– Вы давно знаете Ивана Федоровича? – спросил Архипов.

– Давно! – ответил Зиновьев. – С Туркестана.

– И какой он человек?

Доктор пожал плечами:

– Он сильно изменился в последние годы. Впрочем, с его

службой-то... Почему вы спрашиваете?

– Так...

– Он надежный, – сказал доктор, оканчивая свою работу. – Очень надежный человек. Но у него нет друзей. Не то чтобы они были ему не нужны... Он сам не допускает к себе близко. Казалось бы, мы знакомы так давно, через столько в свое время прошли...

– Вы обо мне? – спросил Скопин, который вернулся незаметно и снова занял свое место у двери.

Архипов сконфузился.

– О вас, о вас, Иван Федорович, – ничуть не смутившись, ухмыльнулся доктор. – Но не в профессиональном плане. Вы же пока живы! Перебиваем ваши косточки пока только в переносном смысле.

– Это вы разослали словесный портрет Маши, Захар Борисович? – спросил Скопин. – Мне дежурный сказал.

– Я, – с вызовом ответил Архипов. – Она могла бы опознать убитого. Вы против?

– Отчего же? – спокойно ответил Иван Федорович. – Умно. Мне это не пришло в голову.

Архипов внутренне сжался от ярости. Он был уверен, что Скопин его оскорбил, посчитав, что молодой пристав воспользовался служебным положением в личных целях.

– Мне все равно, что вы думаете, – сказал он.

– Подождем еще минут пять, – вмешался Зиновьев. – Воск еще не застыл, как я полагаю.

Архипов отошел к окну и стал смотреть на пруд, лишь бы стоять подальше от следователя. «Прогнать бы его, чтобы под ногами не путался, – думал он. – Сколько еще ждать, пока таких Скопиных не погонят поганой метлой со службы?»

Иван Федорович чувствовал раздражение молодого пристава, но не оно сейчас его заботило. Вид раны в груди мертвеца вызвал в нем воспоминания, которые время от времени всплывали в его ночных кошмарах.

В полутемной громаде Кок-Сарая, Тамерланова дворца, на помосте лежал знаменитый Кок-Таш – большой плоский камень серого цвета, на котором сотни лет назад восседал старый хромой черт, покоровший половину Азии. Майор Штемпель устроил свой штаб в большой нише, слева через единственное окно, занавешенное теперь большим ковром, сквозь шелку проникал солнечный свет. Снаружи было невыносимо жарко, а тут Скопин сразу замерз. Маленький морщинистый Штемпель сидел за столом, перед ним лежала карта Самарканда и еще какие-то бумаги. Рядом стоял купец Косолапов, не решившийся уехать из города ввиду большого скопления разбойничьих шаек в окрестных степях. Они тихо переговаривались – Иван не мог разобрать, о чем – слова сливались в гулком эхе. Наконец майор махнул рукой в сторону, отсылая купца. Тот прошел мимо Скопина, сердитый, нахмуренный.

– Поручик, – позвал Штемпель, – подойдите сюда.

Он также был недоволен. Но не разговором с купцом, а

тем поручением, которое собирался дать Скопину.

– Я буду разговаривать без экивоков, – сказал майор, когда Иван подошел к столу. – Положение наше – не ах! «Халатники» стягиваются к городу. Местные, из тех, что поумнее, уже предупредили меня – зреет заговор. Кауфман с основными силами ушел, у нас народу с гулькин нос. Если «халатники» набросятся на нас скопом, придется драться прямо тут. Городские стены мы не удержим. Цитадель дворца... Здесь они нас не возьмут, конечно, но, если Кауфман застрянет около Каты-Кургана, нам придется совсем худо. Еды хватит, но у нас много раненых и больных. Выдержат ли они такую осаду?

Скопин слушал молча. Он и сам знал, как обстоят дела.

Штемпель ладонями потер лицо.

– Я послал уже пятнадцать человек к Кауфману. В основном – местных охотников. Ни один не вернулся. И это бы еще ничего – мало ли, кто-то решил остаться при отряде генерала. Но мне также донесли, что все мои посыльные были перехвачены. Все – до единого! Кауфман идет к Каты-Кургану и не знает, что у нас тут творится.

– Я поеду, Фридрих Карлович, – сказал Скопин.

Штемпель кивнул.

– Даю вам двух казаков. Люди опытные. Один вообще – из Иканской сотни. Горемыкин Мирон. С ним еще поедет Фрол Жалейко. Места они знают. Поедете ночью, как стемнеет.

– Я могу один. Так незаметнее, – предложил Скопин.

Штемпель посмотрел на него серым усталым взглядом.

– Если за вами погонятся, казаки отвлекут. Главное, чтобы вы добрались до Кауфмана.

– А если они погибнут?

Майор не ответил.

– Хорошо, – сказал Скопин. – Два так два. Я должен буду передать донесение?

– Нет, – ответил Штемпель. – Никакого пакета я вам не дам. Да он и не нужен. Расскажите все сами. Вы не туземец, вы русский, вам никаких опознавательных знаков не нужно. Да и генерал вас знает.

– Что мне сейчас делать?

– Идите к казакам, вызовите тех, про кого я сказал. Сообщите им и готовьтесь.

– Есть!

– Можете идти.

Скопин повернулся и пошел к выходу из зала.

– Иван Федорович! – вдруг окликнул его майор.

Скопин повернулся. Штемпель сидел, сгорбившись в луче света, лившегося из высокого окошка под потолком зала, похожий на обезьянку в мундире.

– Вас, может быть, тоже перехватят.

Скопин сглотнул. Он совершенно не думал о такой возможности.

– И убьют, – продолжил майор. – Я хочу, чтобы вы знали: люди, оставшиеся здесь, рискуют своими жизнями не мень-

ше вашего. Я говорю не о себе. Обо всех.

– Да... конечно, – сказал Скопин.

– Вы можете спасти их, если выполните задание. Или убить, если не выполните. Ваш плен или смерть означают плен или смерть всех наших людей в городе. Вам понятно?

– Да, Фридрих Карлович.

– Никакого героизма. Никаких попыток отбиться вместе, если на вас нападут. Я посылаю моих лучших людей на смерть, только чтобы вы выжили и спасли остальных. Вам это тоже понятно?

– Понятно, господин майор.

– Идите.

Скопин вышел из зала под палящие лучи солнца и надел кепи. У ворот сидел на камне купец Косолапов.

– Закончили? – спросил он.

– Да.

– Что, уезжаете?

Скопин посмотрел на него молча и пошел в сторону навеса, под которым стояли казачьи лошади.

– Ну-с, – сказал доктор Зиновьев, – извлекаем.

Он аккуратно потянул вверх застывший воск и извлек неправильной формы длинный треугольник со множеством «веточек».

– Ну, это лишнее, – Зиновьев аккуратно обламывал восковые «веточки». – Это у нас сосудики, а вот форма... Что

скажете?

Архипов подошел и посмотрел на слепок.

– Странно. Не видел никогда такого клинка. Вы можете зарисовать его в натуральную величину?

– Могу, – ответил доктор Зиновьев. – Но только художественной картины от меня не ждите. Просто положу на бумагу и обведу карандашом.

– Хоть так, – отозвался молодой пристав.

Скопин тоже наклонился над восковым слепком.

– Это не финка. По размерам скорее похож на кинжал, но только необычный. Слишком широкий. Может, азиатский? – спросил он доктора.

– Это вы спросите у специалиста, – сказал Павел Семенович. – А я тоже пока теряюсь в догадках.

– Необычное оружие, – задумчиво пробормотал Скопин. – Это нам повезло. Искать проще.

– И где же найти такого специалиста? – спросил Архипов. – Есть идеи?

Доктор задумался.

– Я отлучусь в кабинет, – наконец сказал он. – Был у меня случай... Подождите здесь.

Зиновьев вышел, оставив Архипова наедине со Скопным. Захар молчал, стараясь не смотреть на Ивана Федоровича. Скопин первым нарушил эту затянувшуюся паузу.

– Вы что-то имеете против меня, Захар Борисович? Лучше вам сейчас объясниться.

– Зачем? – пожал плечами молодой пристав.

– Потому что мне неудобно. По своему статусу я имею право вами руководить. Будь вы простым туповатым служакой... Но вы, как и я, – армейский офицер. Вы, как и я, пришли на службу не просто так. Вы не рассказывали, но я чувствую. Вы неглупы, образованны в меру, в вас есть жизнь. Вы честны и, бьюсь об заклад, в жизни не брали ни одной взятки. Как и я. Поэтому я хочу от вас сотрудничества, а не простого подчинения.

Архипов зло посмотрел на своего визави.

– Я вполне понимаю, что такое субординация, милостивый государь. Если вы требуете от меня...

– Я от вас не требую! – перебил Захара Скопин. – Я вас прошу.

– Зачем? – повторил Архипов. – Зачем? Доктор говорит, что друзей у вас нет, а теперь вы ищете моей дружбы. С чего это вдруг?

Скопин грустно ухмыльнулся.

– Вы не понимаете. Речь идет вовсе не о дружбе. Я объяснюсь...

Но договорить ему не дал доктор Зиновьев, вошедший с тетрадью в руке.

– Вот, – сказал он. – Леонид Андреевич Сбежин. Доцент кафедры географии университета. Год назад я консультировался у него по поводу одного клинка, которым была убита торговка пирогами на Самотёке. Испанская наваха, пред-

ставьте себе! Матрос привез из плавания. Торговка так себе – старая, толстая. А умерла, как Кармен! Живет Сбежин неподалеку, на Тихвинской, преподает не только в университете, есть у него часы и в Екатерининском училище. Прекрасные знания об экзотическом оружии, небольшая коллекция. Попробуйте съездить к нему. Рисунок я вам представлю через четверть часа.

– Принесите прямо ко мне, – быстро сказал Архипов.

Он вышел из морга и пошел в здание части. Разговор со Скопиным вызвал неприятное ощущение. Возможно, Иван Федорович догадывался, что его время уходит, и поэтому пытался подлизаться к более молодому и перспективному коллеге, надеясь в будущем получить пользу от таких отношений. Что он еще придумает? Позовет пить водку? Попытается рассказать историю своей жизни?

В конце концов, сам-то он не так уж и зависел от Скопина, который, хотя и имел право приказывать полиции, тем не менее проходил по судейскому департаменту, а не по Министерству внутренних дел. И, наверное, был какой-нибудь способ избежать его назойливости.

В тот момент Архипов почувствовал даже подобие легкой жалости к Ивану Федоровичу, той жалости, что смешана с безразличностью, когда мы подаем молодому безногому нищему в старой студенческой фуражке.

Впрочем, и Скопин в этот момент досадовал на себя из-за того, что был превратно понят. Несмотря на явную анти-

патию Архипова, он чувствовал в нем человека таких же интересов, думающего, остроглазого и равнодушного. Нечасто Ивану Федоровичу приходилось встречать в своей жизни подобных людей, оттого он сразу взял с Архиповым дружеский, как ему представлялось, тон, открыто рассказывая ход своих мыслей, чего обычно не делал. Но, увы, пристав был слишком еще молод и позволял страстям сбивать себя с толку. Скопин вздохнул.

– Вот так, – сказал он, обращаясь к мертвецу. – Такие дела, брат Нежданов.

Когда доктор закончил с рисунком, Иван Федорович взял у него плотный лист бумаги и сказал, что сам отвезет его к Архипову.

– Вызовите экипаж, господин пристав, – попросил Скопин, не отдавая рисунка. – Я поеду к господину Сбежину.

– Вы? – удивился Захар Борисович.

Скопин посмотрел на него ничего не выражающим взглядом:

– Вы тоже желаете?

– Да.

– Хорошо. Поедем вместе.

Всю дорогу Скопин молчал, глядя в окно полицейской кареты. Архипов ждал, что следователь снова попытается продолжить разговор, начатый в морге, и мысленно составлял ответ – то ироничный, оскорбительный, то вежливо-холод-

ный. Но Иван Федорович никаких попыток вернуться к тому разговору не делал. Наконец, Архипов не выдержал:

– Вы что-то хотели мне объяснить.

Скопин повернул к нему голову:

– О чем вы?

– Там, в морге... – ответил Архипов.

– Больше не хочу, – сказал Скопин.

– Да? – растерялся Захар.

Но Иван Федорович просто отвернулся к окну.

Так они доехали до дома, в котором жил Сбежин. Это было старое трехэтажное здание постройки начала века, с аркой для экипажей и телег. Доцент обитал в квартире на первом этаже, сразу слева от парадной лестницы, но сколько Скопин ни стучал в дверь, ответа ему не было. Наконец снизу вошел дворник и сообщил, что Леонид Андреевич уехал, а в квартире сейчас нет прислуги, поэтому никто не ответит.

На улице Скопин попрощался с Архиповым.

– Сегодня я собираюсь в одно место... Попробую найти второго грабителя по адресу, который вы нашли на теле Надеждина.

– Лучше я сам, – ответил Архипов.

– Отставить! – скомандовал Скопин. – Вы не знаете той местности и жителей. Вы можете только напортить. Ждите меня в части. Надеюсь, та девушка отыщется. Если нет, я попробую найти ее другими способами. Всего хорошего.

Он развернулся и пошел в сторону своего Лазаревского

переулка, оставив Архипова в полном замешательстве. Тот не мог понять причины столь резкого превращения Ивана Федоровича – его поведение теперь было совершенно не похоже на прежнее.

«Может быть, он сам понял, что я не собираюсь приближать его к себе? – подумал Захар Борисович. – Может, он обиделся? Как бы не стал мне теперь мстить».

6

Марьиная роща

– Возьми револьвер, что ли? – сказал Скопин Мирону, наливая себе рюмку водки.

– И что я с ним буду делать? – брезгливо сморщился денщик. – Лучше ты возьми. Нельзя так и ходить без оружия-то! Зашибут.

Скопин сел на стул и положил ногу на ногу.

– Ну хоть что-нибудь возьми.

– А вот бебут возьму. Самое то, если в тесноте, – сказал Мирон, снимая с ковра длинный чуть изогнутый кинжал, которые казаки со времен начала Кавказской войны делали в виде укороченных шашек, в ответ на «камы» – прямые кинжалы горцев.

– Хорошо, – кивнул Скопин и выпил. – Только ты это... На всякий случай. Я вообще-то разговаривать иду, а не резать руки и ноги.

– Ничего, – ответил Мирон, пристегивая бебут к поясу. – Так оно солидней и для разговоров пользительней. Ну как?

– Хорош! – одобрительно кивнул Скопин.

Мирон и вправду выглядел так, как надо. Специально для похода в Марьину Рощу он вытащил из сундука свой казачий мундир и папаху. И теперь выглядел так, что хоть сей-

час – в Его Императорского Величества конвой. Вот только рыжая с обильной сединой борода выдавала в нем уральские корни. А не зря яицких казаков после Пугачевского восстания переименовали в уральских – чтобы даже имени яицкого, вольного, не осталось на белом свете. Куда уж уральцам в конвой? Там пусть ходят лазоревые, атаманские казаки с Дона!

– Пошли, что ли? – спросил Скопин, поднимаясь и застегивая свою черную судейскую шинель.

– Пошли.

Под мелким морозящим дождиком они на своих двоих добрались до начала Шереметьевской, прошли через уже не работающую заставу вала и свернули направо – в Четвертый проезд.

– Вон там, – указал Скопин на серый от дождей и непогоды забор с висящей на одной петле калиткой.

Из калитки выбежала дворняга – черная, но с коричневыми подпалинами и остановилась, молча глядя на пришельцев.

– У, злая небось, – сказал Мирон. – Гляди, не брешет. Значит, сзади зайдет и укусит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.